

СЫЩИК

Роман Буревой
Маска Дантеса

«Автор»

2005

Буревой Р.

Маска Дантеса / Р. Буревой — «Автор», 2005 — (Сыщик)

Генетический сыщик Марк Корвин прилетает на планету Китеж, чтобы найти пропавшего много лет назад отца своего друга, но очень скоро оказывается втянутым в сложнейшую политическую игру, начатую задолго до рождения Марка.

© Буревой Р., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Пролог	5
Книга I	9
Глава I	9
Глава II	13
Глава III	33
Глава IV	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Роман Буревой Маска Дантеса

Пролог

Они оставили флайеры на посадочной площадке, не потрудившись даже закрыть дверцы. Забрав свернутые лодки и пакеты с едой, вся компания с хохотом и гиканьем двинулась к озеру. С конца весны и до глубокой осени спешат на берега Светлояра обитатели Китежа – от мала до велика. Но сейчас было еще слишком холодно для купания и солнечных ванн. На траве седым налетом лежал иней, да и само озеро куталось в белый покров тумана, ни неба, ни воды не разглядеть.

– “Светлый-пресветлый Китеж”, – запел Вадим гимн планеты.

Иринка подхватила.

Никита решил взять с собой нескольких знакомых девушек, чтобы их поход к озеру выглядел обычной вылазкой молодых оболтусов. И то странно: в солнечный весенний день отправляются на прогулку полсотни парней. Зачем?

Никита побывал здесь три дня назад, проверил тайник. Потом летал с туристами на флайере. Тогда все было в порядке. Но сейчас Никиту что-то тревожило. То ли подозрительные голоса в лесу, то ли этот туман, который не желал рассеиваться даже под лучами взошедшего Ярила.

“Город будет наш”, – повторял Никита про себя.

– Вперед! – радостно выкрикивал Вадим.

– Здесь! – Никита остановился и указал на тайник, прикрытый еловыми лапами.

Ребята вмиг раскидали ветки, скатали маскировочное полотнище. Свертки, похожие на оранжевые личинки, лежали в яме вплотную друг к другу. Вадим и еще трое парней принялись их извлекать. Внутри каждого пакета – спасательный пояс и бластер в кобуре. На самом дне в отдельном ящике термогранаты и упаковка биоотмычек. Никита лично раздавал гранаты. Самым проверенным парням.

– Ой, ребята, что это? – подскочила Иринка к яме. – Оружие? Настоящее? А зачем? Можно подержать?

Она уже потянула к бластеру руку, но Вадим успел ее оттолкнуть.

– Как невежливо, милостивый государь! – обиделась Иринка. – С девушками обращаться не умеешь.

Кто-то из парней включил формирование пятиместной лодки. Как прикажете тащить теперь этого монстра к берегу? До воды еще метров триста. Иринка с другими девчонками заскочила в лодку.

– К воде! – крикнула звонким голосом. Несколько парней ухватились за борт и вывернули девчонок в мокрую от росы траву. Визг. Хохот.

“Они воображают, что это пикник. Веселая прогулка! Игра!” – почти с отчаянием подумал Никита, надевая пояс и цепляя к нему сразу две кобуры с бластерами и запихивая термогранаты в кармашки пояса так, как это делают гвардейцы. Правда, в гвардии Китежа он пробыл всего три месяца, потом службу пришлось оставить.

Ну почему все остальные относятся к атаке на город несерьезно, хохмят, дурачатся? Неужели не понимают, что предстоит?

Больше всего на свете Никита ненавидел смех. Иронию. Шутки. Даже улыбки переносил с трудом. Впрочем, таким он стал лишь полгода назад. Но теперь ему казалось, что он всегда был серьезен и строг.

Наконец из тумана проступили камни на берегу и полоска неподвижной воды. Ни ветерка. Никита вошел по колено в воду, запустил формирование двухместной лодки. Почти невесомый корпус из аэросмеси лег на воду с едва слышным всплеском.

– Ой, ребята! Мы город идем захватывать, да? – захопала в ладоши Иринка. – Здорово!

– Ты остаешься на берегу, – бросил Никита. – С другими девчонками.

– Это почему? – обиделась Иринка. – Ведь до города главное доплыть. Коснуться корпуса.

И город наш. Как в компьютерной игре.

– Это не игра, – отрезал Никита.

Вадим забрался в лодку первым. Потом запрыгнул Никита, вытащил из чехла весла и протянул приятелю.

– К городу! – приказал Никита.

Вадим погрузил весла в воду. Всплеск показался оглушительным.

– Тихо! – шикнул Никита, поправил тяжелый пояс. Термогранаты предательски звякнули.

Справа и слева слышались шлепки по воде, смех, сдавленный шепот: неумелая команда гребла вразнобой.

“Мы идем...” – радостно билось в мозгу.

– Заблудимся, – предрек Вадим. – Это как пить дать. Туман озерникам не помеха, а мы – слепые котятка.

Легкая рябь прошла по воде, лодка качнулась, и откуда-то издалека долетел протяжный тоскливый крик: “Вернитесь!” Вадим вздрогнул. Под капюшоном его лицо казалось белым сгустком тумана.

– Они рядом. Не промахнемся, – Никита не сомневался в успехе.

– Нас слишком мало. А что если они не подчинятся, не захотят отдать нам купол. ...

– У них нет оружия. Даже парализаторов нет. Это же открытый город.

Никита включил поисковичок. Зеленый огонек мигнул, пропал, вновь мигнул. Озерный город был где-то рядом. Погружение метра два или три – не больше. Шлюз плавал на поверхности. Как три дня назад, когда Никита летел на флайере вместе с туристами. Тогда огромный купол, светящийся желтыми и белыми огнями, плавал совсем недалеко от берега.

Справа послушался негромкий шлепок. И сразу же – чей-то вскрик и ругань. Так и есть: две лодки столкнулись. До чего все бестолковые! Никита дрожал. Не от страха – от нетерпения.

– Нас уже наверняка обнаружили, – шепнул Вадим.

– Гребите! – отвечал Никита.

Он вытащил бластер из кобуры. Вадим дернулся, весла плеснули, подняв фонтан брызг. Никита смотрел не на товарища, а на поисковичок. Зеленый огонек теперь уже не мигал, а светился ровно. Шлюз был где-то рядом.

– Нашел! – завопил кто-то слева.

Левша? Или Грибов? Судя по голосу, Левша.

Вадим, не дожидаясь команды, повернул лодку. Туман таял. Вот блеснула смутно поверхность воды, ровная, будто стеклянная. Уже можно различить силуэт ближайшей лодки, еще один и еще... И почти рядом плоский зеленый лист закрытого шлюза. В глубине вод проступили смутные огни. Купол города был близко, всего в каких-то тридцати метрах. Левша уже топтался на плавучем плотике шлюза, прилаживая в центре биоотмычку. Никита вставил в подствольник термогранату.

И тут город стал всплывать. Плотик шлюза качнулся, Левша бухнулся на колени. Вода закипела, закачало лодки. Вадим бросил весла и вцепился в борт. Никита одной рукой схватился за лодку, второй стиснул рукоять бластера. Если город всплывет... Показался приплюснутый конус. А под ним – желтоватый металлический обод.

Левша на четвереньках собачкой метался по плотике шлюза. И выл... В самом деле выл.

“Оборонительный уровень, оснащенный боевыми бластерами, как у космического катера... – сообразил Никита, как только увидел металлический обод. – Что за идиот утверждал, что открытые города беззащитны?!”

Пять или шесть красных лучей ударили в купол. Озерники ответили огнем.

“Все кончено”, – подумал Никита. Пальцы сами нажали на спуск. Граната ушла из подствольника.

Никита упал на дно лодки. Вадим остался сидеть, не в силах двинуться, и, раскрыв рот, наблюдал.

Одновременно полыхнуло белым справа и слева. Вскипела паром вода. Вадима обдало жаром. Сразу три лодки исчезли – вместе с людьми. Метко стреляют! Но и Никита не промахнулся. Купол раскрылся огромным цветком, из него вверх ударил оранжевый столб огня. Верхний уровень города исчез! Вслед за грохотом взрыва на миг наступила тишина, а потом в воду посыпались осколки.

– Гребите! – Никита вскинулся, едва не опрокинув лодку. – Гребите! Пока они не зарастили купол! Скорее!

Непослушные пальцы никак не могли вставить в подствольник новую гранату.

Никита видел, как справа пять или шесть лодочек устремились вслед за ними в атаку на город. Всего? А где остальные? Никита обернулся. Туман уже почти растаял. Лишь тонкие пряди кое-где стлались над водой. С десятков лодок мчались к берегу наперегонки. Труссы!

– Стойте! Куда!? Город наш! – кричал Никита. – Наш!

– ...гнись! – ахнул Вадим и качнулся вбок, креня лодку.

Никита запрокинул голову. Прямо на них черным копьём несся осколок. Сейчас врежется...

Никита прыгнул за борт. Следом скатился в воду Вадим и тут же ушел на глубину. Осколок вспорол воду слева. Никита нырнул, ухватил товарища за шиворот.

“Я не утону, не могу утонуть... не могу” – Никита рванулся наверх, всплыл первым и вытащил товарища.

Вадим жадно хлебнул воздух, шлепнул ладонями по воде. Глаза у него были круглые и совершенно безумные.

– Плыть можешь? – На всякий случай Никита продолжал держать товарища за шкуру.

– М-могу...

– К городу! – приказал Никита.

Но стоило ему разжать пальцы, как Вадим устремился к лодке, попытался вскарабкаться в нее, соскользнул в воду, вновь полез...

– К городу! – заорал Никита.

Вадим его не слышал. Он вообще ничего не слышал, карабкался в лодку, срывался, снова пытался залезть... Черт с ним, пусть удирает...

Никита поплыл кролем туда, где над водой темнел изуродованный купол. Он видел, как несколько лодок идут наперегонки к той же цели. Молодцы! Не отступили! Никто не стрелял. Все торопились добраться до купола. Весла так и мелькали.

“Город наш”, – билась в мозгу единственная мысль. Рука ударилась о что-то твердое. Никита ухватился за рваный край, распоров пальцы. Приподнялся. Рассадил о вывернутый наружу лоскут обшивки колено. Перевалился внутрь. Упал на что-то ровное, скользкое, его потащило вниз. Бластер он потерял в воде. Но был еще один, в кобуре. Никита попытался достать его.

Пальцы не слушались.

– Я здесь! – крикнул Никита, не зная, кто его может услышать. Разве что обитатели города. – Я пришел! Пришел!

Под ним вдруг раскрылась бездна, и он ухнул в аварийный шлюз.

– Я здесь! – кричал он, скользя во влажной темноте.

Его облепило, сжало со всех сторон и выплюнуло на скользкий пол.

– Добро пожаловать в озерный город! – раздался над ним насмешливый голос. – Надеюсь, вам, сударь, понравится у нас.

Книга I

Маска Дантеса

Глава I

Звездный экспресс

Предупреждение было невнятным. Намек, расшифровать который мог человек, хорошо знакомый с реконструкцией Китежа. Но Марк Валерий Корвин знал об этой планете слишком мало и все больше обрывками, а его друзья – и того меньше. Что могла означать фраза: “Надо поторопиться с визитом или отложить встречу на год. На Китеже наступает эпоха карнавалов” – никто из спутников Марка объяснить не мог. Возможно, что-то вроде лацийских сатурналий, когда не существует ни господ, ни слуг, и даже андроиды надевают маски и веселятся напропалую.

Голос предков о карнавалах упорно молчал: отец Марка не посещал места увеселений во время краткого визита на планету. Выяснилась занятная подробность: о Китеже другие миры не знали практически ничего. Или же сведения казались совершенно баснословными. Всеведующий галанет бормотал невнятицу: “Карнавалы Китежа. Маски Китежа. Полгода веселья”. Эти фразы-обрубки вываливались из различных порталов вновь и вновь, едва Марк запрашивал информацию о развлечениях китежан. В конце концов, Корвин пришел в ярость и послал галанет к Орку в пасть и еще дальше. Да и какое ему дело, кто и как веселится на карнавале. У Марка имелся благовидный повод для визита: он нашел убийцу княгини Эмили Валерьевны. Теперь он должен явиться на Китеж и рассказать свекру Эмили все подробности расследования. Корвин написал краткий отчет о раскрытом убийстве и отправил его по двум адресам: один – в сенат Лация, второй – князю Андрею, чей сын и невестка стали жертвами действий анималов.

Без приглашения являться на Китеж считалось неприличным, и Марк дождался ответа на станции Большой петли. К тому же лацийский сенат должен был прислать экспресс-почтой подтверждение официального статуса следователя со всеми вытекающими отсюда гарантиями и возможностью тратить не свои собственные кредиты, а государственные, и оплачивать услуги помощников, а не надеяться на их доброе к себе отношение и альтруизм.

Первым отозвался князь Андрей. В письме, формально очень вежливом, но суховатом, он рассыпался в благодарностях (много вычурных старинных выражений и русизмов во всеобщем), выражал сдержанную радость по поводу того, что сообщник убийцы, наконец, отдан под суд, и приглашал Корвина “вместе с помощниками и друзьями” погостить у себя в усадьбе, сколько гостям будет угодно. И просил прибыть “по возможности скорее”. О князе Сергее в письме не упоминалось. Как будто он погиб вместе с женой во время трагедии на Психее. А между тем Марку было доподлинно известно, что молодой князь в течение двух лет после возвращения на Китеж безвыездно живет в усадьбе отца.

– Похоже на домашнее заключение, – прокомментировал трибун Флакк положение Сергея.

Марку тоже казалось, что не случайно бывшего командира “Изборска” держат на коротком поводке. Пускай он потерял память после того, как сержант выпустил в него весь заряд парализатора, но теперь Сергей наверняка физически здоров... Так почему же он все еще валяется, как преступник или... опасный свидетель?

“Может быть, Андрей Константинович считает своего сына отчасти рабом?” – в который раз спрашивал себя Корвин. Он ненавидел рабство в любой форме, пусть даже оно принимало

вид любви или долга. Чужая несвобода казалась ему почти столь же непереносимой, как и своя собственная.

Экспресс-почте требовалось не более стандартных суток, чтобы переслать сообщение, но сенат Лация тянул и тянул с ответом. Напрашивался неприятный ответ: что-то мешало сенаторам произвести Корвина в префекты немедленно.

– Чего мы ждем? Начала карнавалов? – ворчал центурион Друз.

– Почему бы и нет? – смеялась Лери. – Когда еще представится такая возможность? Купим на станции маски. Я пропустила карнавалы на Неронии, наверстаю упущенное на Китеже.

Скучать на пересадочной базе не приходилось: казино, виртуальные ипподромы, подборки фильмов, виртуальные библиотеки... галанет... ослепительные красотки, в которых за парсек видно профессиональных служительниц святой Венеры... О чем еще может мечтать парнишка неполных восемнадцати лет, недавно снявший с себя рабский ошейник? Женщины в дорожных комбинезонах, спешащие на Китеж или прочь от него. Все они, от пятнадцати до сорока, мгновенно приковывали внимание юного Корвина. Внимание приковывали, но очаровать не могли – глядя на них, Марк тут же вспоминал, как смотрел отец на его мать. Эталон, с которым придется сравнивать всех остальных красавиц.

Марк сыграл в звездную рулетку и провел около часа с чернокудрой жрицей Венеры. А потом спешно выпроводил ее и запер дверь на кодовый замок. Потому что очень некстати в голову пришла дурацкая мысль о том, что это краткое приключение будут смотреть, как порнушку, дети... его сыновья... ладно, сыновья... но дочери! Дочери! В период полового созревания. В тринадцать-четырнадцать! Мерд! Мерд! Мерд! Перед нерожденными дочерьми было особенно неловко. Корвин отправился в вирт-шоп, набрал лепестков с новыми фильмами, но выключил голопроектор на третьем сюжете: все это были повторения, перепевы старых мотивов. Его отец и дед видели сотни подобных видашек... А поскольку виртуальная техника за последние двадцать лет ничего не добавила в копилку планеты Голливуд, то Марк выбросил киношные лепестки в утилизатор.

Было еще одно занятие, коим в безделье и неподвижности станции можно было предаваться часами. Пировать. Весь день или всю ночь просиживать в ресторане. В задумчивости прогуливаться вдоль столов с подносами. Вот нежнейшая рыба, алым цветом напоминающая кайму senatorской тоги, вот ажурные ломтики сыров, одни янтарные, другие тронутые патиной плесени. Груды креветок и черной икры; мидии, обложенные ломтиками лимона, блекло-розовые эскалопы в грибном соусе... Официанты в белых крахмальных куртках пополняют и пополняют блюда, пока гости меланхолически двигают челюстями и все чаще и чаще поглядывают на светящуюся надпись “вомиториум”, где можно быстро и безболезненно освободить желудок, чтобы наполнить его десертом. В этом обжорстве (Марк называл его на французский манер “гурманство”) почти не было расточительства: выблеванные продукты тут же поступали на переработку и через пару часов красовались в ярких обертках на нижних палубах. Биотехнологии избавили человечество от брезгливости.

“Лерия, прекрасная фея, озерная фея”, – звучал в ресторане популярный мотив.

Слова эти бесили Лери.

“Автора надо выкинуть в открытый космос без скафандра”, – твердила она, едва слышав мелодию.

И предпочитала завтракать и ужинать в кафе, где можно было заказать песню для личного прослушивания.

Зато Марк посещал ресторан с завидной регулярностью. Вкус блюд – вот что практически напрочь отсутствовало в генетической памяти. Их названия, их вид – все было знакомо. Но как яркая этикетка – не более. Лишь во сне удавалось вспомнить букет вина, вкус печеночного

паштета или фаршированного поросенка... Наяву каждый ломтик сыра и каждый глоток вина походил на маленькое открытие.

“Суррогат... – шептал насмешливый голос предков. – Зачем помнить фальшивое? Стоит хранить только истинное...”

– Уж если патрицию и предаваться развлечениям, то каким-нибудь дерзким, невероятным, экстремальным... так, чтобы глаза на лоб лезли! – комментировал их времяпрепровождение Флакк. – Жду – не дождусь, когда вернусь к своей когорте. Уж с ними я никогда не скучаю!

Но Корвин мечтал не о развлечениях. Больше всего на свете ему хотелось применить свои силы и доказать, что раб с плантаций барона Фейра вновь стал настоящим патрицием, и генетическая память рода Корвинов, полностью вернулась к нему. Возможно, ему придется доказывать это год за годом, до конца своих дней. Юноша изнывал от вынужденного безделья и втайне надеялся, что на базе свершится страшное преступление. А он, Марк Валерий Корвин, самый лучший следователь галактики, это преступление раскроет. Но никто никого не убивал, не исчезали секретные документы, не появлялись неизвестные красотки, молящие о помощи. Лишь в барах нижней палубы дрались отпускиники-грузчики, и охранникам приходилось их разнимать.

– Почему сенат не отвечает? – спрашивал Марк, меряя шагами свою удобную, хотя и не очень просторную каюту на станции.

Трибун Флакк, развалившийся напротив него в кресле с бокалом в руке, отвечал флегматично:

– На Лации слишком много людей, не заинтересованных в том, чтобы патриций вновь стал следователем по особо важным делам.

– Разве они не обязаны меня назначить?! – возмутился Марк. – Я справился с первым делом и...

– Обязаны, – подтвердил Флакк. – Но сенаторы наверняка отыщут десяток причин, чтобы отказать. Во-первых, как я уже сказал, ты знаешь все их тайны, большие, средние и маленькие – на любой вкус. Во-вторых, ты – бывший раб и для них чужак, куда хуже плебея. Сознать, что они вручают тебе почти неограниченную власть, для нобилей Лация невыносимо.

– И что теперь? – уныло спросил Марк.

– Тебе не хватает самоуверенности. В свой талант ты поверил, умение показал. Но до сих пор ведешь себя не как патриций.

– А как они ведут себя? Как? Я лично не замечаю различия.

– Патриции считают себя властелинами мира. Ты не таков.

– Где уж... – скривил губы Марк.

Еще в прошлом году он не мог выбирать даже, что будет есть на обед, и будет ли есть вообще. Какой же из него властитель мира! После бегства с Колесницы Фаэтона Марк запретил себе вспоминать о своем рабском прошлом. Но вскоре понял, что так просто от двенадцати лет ношения ошейника с управляющим чипом не избавиться. Можно ли как-то извлечь пользу из двенадцати лет унижений?

Патрицию Марку, чья генетическая память простиралась на сотни лет в прошлое, было особенно жаль эти двенадцать *настоящих* лет, потраченных впустую. Пусть старость удалось отстрочить, жизнь человеческая все еще не так уж длинна... Сто двадцать – сто тридцать лет... Максимум сто пятьдесят. Память о чужих жизнях лишь напоминает о краткости твоей собственной. Говорят, на планете Олимп обитают бессмертные. Но на Олимпе надо родиться. Или попасть туда ребенком. Обычные люди среди бессмертных могут находиться лишь несколько дней. Иначе смерть. Почему – неведомо. Тайну эту олимпийцы хранят нерушимо.

Сигнализатор на двери мигнул, мявкнул звуковой сигнал, и сестричка Лери впорхнула в каюту. Именно впорхнула: искусственное притяжение на управляющей базе лишь ноль семь

от лацийского. На девушке была белая блузка и брючки цвета морской волны до колен. Запах ее духов тут же наполнил каюту.

– Что заказать вам на обед, господа? Может быть, жареного поросенка? Я пробовала. По вкусу почти как настоящий, хотя и суррогатный, как любое мясо в космосе.

– Пришел ответ с Лация? – спросил Марк. – Отказ? Так ведь?

– Как ты догадался? – Лери изобразила крайнее удивление.

– Заботливость тебя выдала, ласковая ты моя! Тебе так хотелось меня утешить... Ладно, выкладывай, что там прислали.

– Бред, разумеется! – взорвалась Лери. – В заявлении сената говорится: раз ты не прошел положенную “настройку” генетической памяти, то сенат не может после завершения первого успешного дела утвердить тебя в должности. Сенаторы полагают, что ты раскрыл убийство на Психее лишь благодаря случаю. Так что рассмотрение вопроса о присвоении тебе звания префекта по особо важным делам отложено...

– Отложено до... – Марк запнулся и вопросительно глянул на сестру.

– На неопределенное время.

– До тех пор, пока ты им сам не понадобишься, – подсказал Флакк. Он шутит? Но на суровом лице военного трибуна не было и тени улыбки. – Тогда не забудь потребовать жалованье за все прошедшие месяцы или годы. Не только для себя, но и для верных помощников. Меня можешь в список не включать: я в отпуске, платят мне исправно.

– Кстати, Лери, послание было на мое имя! – спохватился несостоявшийся следователь. – Как ты его прочитала?

– Друз по ошибке вскрыл ответ сената.

– Вскрыл ответ сената... – повторил Марк. – Он что, знает правительственные коды?

– Ну конечно! Ведь Друз служил на “Сципионе”...

Марк усмехнулся:

– У меня такое впечатление, что ребятам с этого линкора секретная информация известна куда лучше, чем сенаторам.

– Думаю, народ там поумнее, чем в сенате, – заметила Лери.

Это был скрытый комплимент в адрес трибуна Флакка, чей отец много лет командовал “Сципионом”. Впрочем, и своему жениху (за глаза) Лери польстила.

– Что ж мне теперь делать? – Марку очень хотелось немедленно написать в ответ гневное письмо, и сообщить отцам-сенаторам, что он о них думает. Но он знал, что ничего писать не будет. Патриций в какой-то степени раб сената.

“Раб”... опять это подлое слово.

Лери придала своему лицу жалобное выражение:

– Этот отказ все испортил, да? Ты не будешь искать отца Друза?

– Это еще почему?! – пожал плечами Марк. – Напротив! У нас есть приглашение князя Андрея. Летим на Китеж в гости. Немедленно. И так засиделись!

– Тогда расскажи, каков план действий, – потребовала Лери.

– Самый простой. Приеду к князю Андрею и спрошу: где тот парень, что гостил у вас в усадьбе двадцать лет назад? Его звали Сергей Малугинский. И все.

– Ты знаешь вымышленное имя старшего Друза, так почему не нашел на него информацию в галанете? – спросила Лери.

– Уже пробовал. Есть одно сообщение двадцатилетней давности: Сергей Малугинский прибыл на Китеж.

– И все?

– И все. Больше – ни одного байта.

Глава II

Усадьба с водопадом

“Я был здесь...” – в который раз повторял Марк Корвин про себя.

Даже не интересно. Он видел двадцать лет назад этот космодром (почти не изменившийся внешне), видел приемную таможенного офицера, теперь отделанную заново, но все в том же стиле девятнадцатого века Старой Земли – комната в провинциальной гостинице, с мягкими креслами и диванами, старинный письменный стол с зеленой лампой. Казалось, и офицер таможи был тот же самый, вежливый, подтянутый, немногословный. Во всяком случае, мундир на нем был точно такой же.

– Марк Валерий Корвин... Вы с Лация, милостивый государь? – спросил таможенник. И нахмурился. – Я лично ничего не имею против Лация. Но нынче вам не стоило прилетать на Китеж. Обождали бы, если дело не срочное.

– Почему не стоило? – насторожился Марк.

– Карнавалы вот-вот... – Таможенник многозначительно замолчал.

– Вадим Григорьевич! Да что ж это такое! Почему моих гостей у себя держите?! – молодая женщина в белом платье и широкополой шляпе с ленами влетела в кабинет таможенника. – Безобразие! Вас же предупреждали! Содействовать во всем! Вы – Марк Корвин? – повернулась она к Марку. – А я княжна Ксения. Можно просто Ксюша... Дочь князя Андрея Константиновича. Отец прислал меня для вашего сопровождения. С таможей все формальности улажены. Так что прошу. И в следующий раз, Вадим Григорьевич, извольте мне сообщать немедленно...

– Княжна, радость моя, да неужто вы их к себе в усадьбу повезете? – изумился таможенник.

– Разумеется! – заявила княжна не терпящим возражений тоном.

– Так ведь ваша усадьба в этот раз первая, Ксения Андреевна! А дней осталось... то есть, совсем не осталось...

– Чушь все это! Чушь! Чушь! Чушь! – весело выкрикнула девица.

Подхватив Марка под руку, Ксения повела его в зал ожидания. Просторный холл и – что удивительно – почти совсем пустой. Лишь несколько пассажиров, судя по всему, с планеты Цин, суетились возле багажного терминала и о чем-то громко спорили с таможенниками. Голоса гулким эхом отдавались под сводами.

“Княжне Ксении должно быть около тридцати”, – вспомнил свой прежний визит на Китеж Марк Корвин. Чуть меньше. Ростом она оказалась Марку до плеча. Пухленькая, круглолицая. Не дурнушка. Но никакого очарования. Ни намека на кокетство. Правда, на лице Друза она задержала взгляд чуть дольше. Но опять же, рассматривала орлиный профиль центуриона и черные его кудри, как картину. Лери даже не встревожилась.

Марк усмехнулся... Следователь! Что ты здесь расследуешь? Человеческие отношения... Психоз... оставь. Ксюша, Ксения... Она улыбалась ему. Неестественно. Фальшиво. Уж очень ей хотелось расположить к себе юного Корвина. Лучше бы нахмурилась, что ли...

– Не стоило себя утруждать. Я хорошо знаю дорогу в усадьбу, – кашлянув, сказал Марк.

– И сколько лет вы не были у нас, милостивый государь? – поинтересовалась Ксения.

– Двадцать. Или чуть больше.

Марк вряд ли выглядел старше своих неполных восемнадцати. Но Ксюша даже не подала виду, что удивлена. То, как выглядит человек в нашем веке – его сугубо личное дело.

– Двадцать лет прошло... Нет, вы не можете помнить дорогу! – заверила она гостя с Лация. – За двадцать лет все изменилось, и дороги – прежде всего. Теперь адаптивные маги-страли повсюду. Без меня вы заблудитесь. Идемте, господа. Я нарочно выбрала в отцовском

ангаре самый лучший флайер, чтобы вас встретить. Почему вы так задержались? Карнавалы вот-вот начнутся.

– Мы уже купили маски, – сообщила Лери.

– Нам угрожает опасность? – спросил Флакк.

– Опасность? Что за ерунда! Будьте осторожны с масками – только и всего.

Ксения хотела еще что-то добавить, но лишь изобразила гримаску, смысла которой Марк не понял.

– Мне нужно забрать флайер с “Клелии”, – сказал трибун Флакк.

– Зачем? – удивилась Ксения. – В моей машине всем хватит места.

– Мне нужен наш флайер. – Флакк едва заметно выделил голосом слово “наш”.

– Как хотите! – Ксения явно обиделась, даже губу закусил.

Флакк молча поклонился и направился в ангар, а все остальные – на стоянку флайеров.

– Вы нам покажете знаменитые озерные города? – спросила Лери у новой знакомой.

– Непременно. Если вы не боитесь...

– Чего? – Лери насмешливо изломила бровь.

– Захотите остаться у озерников.

– Кто видел Новый Рим, не выберет другой город! – заявила Лери.

– Озерные города ни с чем не сравнимы, – парировала Ксения. – Оттуда на твердь не возвращаются.

“А что, если отец Друза тоже оказался в озерном городе? – подумал Марк. – Вот и отгадка его двадцатилетнего молчания. Соблазнился жизнью в водной среде, назад выбраться был не в силах”.

Судя по воспоминаниям Марка, доставшимся ему от отца, Друз-старший слыл человеком романтического склада. Таких влечет все необычное. Озерники...

“Рано еще делать выводы”, – подсказал знакомый голос.

Ага, предки заговорили. Значит, расследование началось. Расследование? Но Марк в данном случае ничего не расследует. Всего лишь ищет сбежавшего отца семейства. Впрочем, с некоторой натяжкой это тоже можно назвать расследованием. Хотя вряд ли отцы-сенаторы зачтут ему это дело.

– Друз! Я так и думал! – окликнул их кто-то сзади.

Молодой центурион обернулся. Его друзья тоже. К ним спешил крепко сбитый человек среднего роста с каштановыми выющимися волосами и орлиным носом. Сходство с Друзом было настолько явным, что у Корвина мелькнула шальная мысль: перед ним сбежавший папаша, и поиски закончились, едва юный следователь ступил на планету.

– Дядя Лу! – воскликнул Друз и почему-то смутился. Даже покраснел и, опустив голову, устался в пол. – Я не знал, что ты...

– Меня назначили послом, – произнес дядя со значением.

– Но тебе обещали Неронию.

– Ну что ты! – дядюшка совершенно искренне рассмеялся. – Неронию – мне?! На Неронию полномочными послами всегда отправляют патрициев, тогда как на Китеж можно послать и плебея. – Дядюшка похлопал племянника по плечу. – А ты что здесь делаешь? – вопрос прозвучал запоздало.

– Я вот... отдыхаю... то есть сопровождаю Корвина.

– Слышал о вашем возвращении. – Повернулся к следователю новый полномочный посол и пожал юноше руку. – А также о красоте вашей сестры. – Изящный поклон.

Ксении посол лишь слегка кивнул, видимо, счел за местного гида.

– Надо полагать, мой жених много чего *рассказал*... – не без яду заметила Лери.

– Меня ждут в дипломатическом секторе, – тут же заторопился дядюшка. – Желаю хорошо провести время, молодые люди. Хотя время для путешествия не самое удачное.

– Имеете в виду карнавалы? – живо спросил Корвин.

– Позже, позже... я тороплюсь! – И посол удалился.

Лери могла не вставлять своей реплики: Марк и сам догадался, что Друз сообщил дядюшке о цели их путешествия. Но выяснять отношения в присутствии княжны Ксении Корвин считал, по меньшей мере, неприличным.

Лацийцы не сделали и десяти шагов, как их остановил прапорщик-китежанин в полевой форме.

– Извините, господа, но мне необходимо провести идентификацию, – заявил прапорщик. За его спиной маячили еще двое здоровяков в полной амуниции.

– Это гости князя Андрея Константиновича, – возмутилась Ксения.

– Не имеет значения. Всеобщая идентификация. Полчаса назад на кабинет-министра совершено покушение.

– Опять? – ахнула Ксения. – Владимир не пострадал?

– Получил несколько царапин. – Прапорщик кивнул в сторону голограммного экрана в центре зала.

На экране девушка в синем платье до пола что-то возбужденно объясняла зрителям. Говорила она так быстро, что Марк с трудом улавливал знакомые русские слова.

“Вне опасности”... “Начато следствие...” “Кабинет-министр проходит обследование в больнице...”

Мелькнуло изображение и самого кабинет-министра. Человек средних лет в белом мундире, залитом кровью, лицо тоже в крови. “И это называется несколько царапин!” – изумился Марк.

Изображение мелькнуло и тут же пропало.

– О, Боже! – воскликнула Ксения. – Кто-нибудь еще пострадал?

– Об этом ничего не сообщается, княжна. – Прапорщик закончил идентификацию, козырнул. – Не смею больше вас задерживать, господа.

Похоже, гости Андрея Константиновича не вызвали у него подозрений.

– Кабинет-министра уже несколько раз пытались убить, – принялась объяснять уроженцам Лация Ксения. – Один раз это едва ни удалось. Погибли жена и дочь Владимира.

– И кто же устраивает покушения? – спросил Марк.

– Кабинет-министра многие ненавидят.

– Ненавидят? За что?

– Ну, как вам сказать... – Похоже, Ксении не очень хотелось говорить о политике. – За радикальные проекты... Он хочет уничтожить озерные города. Еще до начала карнавалов.

– Уничтожить? Зачем? – удивилась Лери.

– Не знаю! – махнула рукой Ксения, будто хотела вопрос отбить ладонью.

“Все наверняка не так просто”, – включился тут же голос предков.

“Я не занимаюсь этим делом”, – мысленно ответил Марк. И едва удержался от смеха – показалось, что и другие слышат этот диалог со вторым “я”.

* * *

Тем временем транспортная лента привезла их на стоянку флайеров. Почти все секторы пустовали, Марк заметил лишь несколько одноместных летучек, среди них возвышался шестиместный красавец-флайер.

– Не удивлюсь, если в этом роскошном корыте имеются бассейн и парильня, – пробормотал Друз, оглядывая флайер князя Андрея. – Габаритами почти не уступает планетолету класса “Сирин”. Четыре пары нагнетателей. Индивидуальный заказ...

– Я бы не прочь искупаться. – Лери просунула руку под локоть Друза. – А ты?

– В Дышащем океане. В проруби с русалкой, – в свою очередь предложил Марк.

И тут же получил от сестры довольно ощутимый тычок в плечо.

– В усадьбе у нас отличная баня с купальней, – сообщила Ксения.

Похоже, неприкрытое кокетство лаццанской красавицы ее раздражало.

Бассейна внутри флайера не оказалось. Зато имелись удобные кресла, обитые белой псевдокожей, бар и амортизационное покрытие. Ксения уселась в кресло водителя.

– Я обожаю гостей, – княжна улыбнулась совершенно по-детски. – Но у нас теперь редко кто бывает. Особенно, после несчастья с Сережей.

– Сергей живет в усадьбе отца? – спросил Марк, располагаясь в соседнем кресле.

– Где же еще ему жить? Брат теперь точь-в-точь пятилетний ребенок...

– Как он себя при этом чувствует?

– Неплохо. Много играет. Учится читать. Даже ездит верхом.

– Вам его жаль?

– Он счастлив! – Ксения нахмурилась, дернула рычаг набора высоты изо всей силы.

Флайер взмыл почти вертикально, нагнетатели зашлись на миг в пронзительном визге, потом машину рвануло в сторону, тряхнуло, справа мелькнул серый бок какого-то транспортного средства. Судя по красному дракону на борту, грузовик принадлежал цинийцам.

– Не так резко, милая! – крикнул Друз.

– Это цинийцы нас подрезали! – заявила Ксения.

Дальше машина пошла более или менее ровно. Вскоре их нагнал Флакк на флайере с “Клелии” и полетел в сотне метров сзади.

Слева от дороги зеленые квадраты лугов чередовались с золотыми полями зрелого хлеба. Нередко посреди поля вздымался гранитный валун, или высилась целая груда камней, безмолвных стражей колосьев. Вдалеке виднелись деревянные дома с островерхими крышами. И нигде ни души. Через несколько минут полета поля сменились густым лесом. Земные хвойные чередовались с местными ивами и лиановыми березами. Потом пошли в основном местные сосны – стройные, как их земные сестры, длинноигольные, как итальянские пинии. Многие гиганты светились в сумраке леса – густой лишайник покрывал их целиком, казалось – на ветвях лежит пластами светло-зеленый снег.

Когда-то почти все северное полушарие Китежа (за исключением экваториальной зоны) покрывал огромный ледник. Он сползал медленно, неумолимо, раздавливая непокорные гранитные хребты, сметая папоротники, истребляя живое. Многочисленные обитатели вод и лесов удирали на юг. Тамошние озера и реки, тропические леса и внутренние моря кишели жизнью. Твари теснили друг друга, стремясь выжить. Появились удивительные симбиозы – какой-нибудь лежащий на дне мешок, занятый исключительно пищеварением, срастался с водяными змеями или ящерицами, готовыми служить ему щупальцами. А хватательную роль пасти брала на себя мелкая озерная кошка. Так они выживали. Сотни, тысячи лет. Потом ледник отступил, уполз, оставив после себя пустынный грязный мир. И тут местные флора и фауна разделились. Одни остались в теплых морях и озерах, в лесах, где под пышными кронам легко можно найти пропитание, другие устремились на север по многочисленным рекам, ручьям и протокам, в холодные негостеприимные озера, созданные ледником. Именно тогда русалки (аналоги земных гоменид), ушли в северные воды к самым берегам Дышащего океана. Там и живут до сих пор неразумными тварями. Тем временем на Китеже вслед за ледниковым периодом грянуло потепление. Ливни, грозы, тайфуны, теплые дожди обмывали день за днем намерзшую за ледяные тысячелетия планету. Живность плодилась, хищники свирепствовали, в южных районах выживали лишь твари, способные к симбиозу, одиночки гibli. Сгинули и разумные “русалки”, только-только начинавшие умнеть. Их бесчисленные кости и черепа, вмещавшие мозг, почти равный человеческому, усеяли меловые побережья Южного океана. Потом вновь похолодало, полюса оделись в полярные шапки, воды Дышащего океана покрылись льдами,

климат стал почти всюду умеренным, и развитие жизни прекратилось. Программа развития завершилась, природа была создана, но царь ее сгинул. Оставалось одно – ждать варягов. И они пришли.

* * *

Чем дальше флайер летел на север, тем чаще по обеим сторонам дороги возникали груды камней – раздавленные ледником древние горы. Гранитные обломки напоминали руины невиданных замков. Так менялся пейзаж: камни и лес, лес и камни, и говорливые реки с грудями камней, брошенными в центре фарватера уползающим ледником. А над дорогой мелькали светящиеся голограммы: “Вышеград – 2000 км”, “Блистательный Бург – 5000 км”.

– Мой отец бывал и в Бурге, в резиденции Великого князя, и в Вышеграде. Да и по здешним местам поездил. Только мне казалось, что прежде... двадцать лет назад Китеж был куда более оживленным местом, – заметил Корвин.

– Население тверди быстро сокращается, – призналась Ксения.

– Все идут в озерники? – хмыкнул Друз.

Княжна сделала вид, то не расслышала реплики.

– Наши реки постоянно меняют русла, дороги меняются вслед за ними, – объясняла тем временем Ксения. – Вот смотрите, три года назад Ласковая текла напрямиком на север, а сейчас...

Как течет Ласковая “сейчас” княжна Ксения договорить не успела: флайер трянуло так, что адаптивные кресла облапили пассажиров, машина перевернулась, ухнула вниз, потом куда-то вбок, вверх, вниз... Марк устал считать пируэты. Наконец простонали амортизаторы, коснувшись земли. Кресла неохотно выпустили пассажиров из своих объятий.

– Что за черт! – Ксения открыла дверцу и выпрыгнула наружу.

Марк последовал за ней: несмотря на усилия адаптивного кресла после такой “мягкой” посадки желудок взбунтовался.

Неподалеку опустил двухместный новенький флайер. Из машины выпрыгнул молодой человек, загорелый и светловолосый, в белом мундире, украшенном золотым шитьем. Внешне он был очень похож на князя Сергея – тот же высокий лоб, прямой короткий нос, пухлые губы, что-то капризно-детское в лице.

– Стас! Опять чудись! – возмутилась Ксения. – Кто тебе разрешил взять флайер?

– Прослышал, что ты везешь к дядюшке гостей, кухня, среди коих имеется девица замечательной красоты. Вот и захотел познакомиться как можно скорее, – отвечал красавец в белом, одергивая мундир. – Не смог утерпеть.

Друз и Лери выпрыгнули из машины. Лери выглядела безмятежной. Даже румянец не исчез с ее смуглых щек. Зато Друз – тот просто кипел от ярости!

– Орк! Ты что ослеп, парень! Ты же мог нас угробить! – возмутился центурион.

– Ну что вы! Как можно! И в мыслях не было. Я торопился, да... Очень уж хотелось с вами познакомиться. Никакого вреда я не хотел причинить. Да и не мог. Вы, мой дорогой, совершенно не разбираетесь в технике, если говорите подобное, – рассмеялся Стас. – Такие флайеры дают стопроцентную надежность, так что, слава Богу, вам ничего не угрожало.

Друз побагровел: оскорбить его сильнее, чем это сходу сделал Стас, было невозможно. Центурион инженерных войск, служивший на линкоре “Сципион”, не разбирается в технике! Друз не знал, что возразить. Огрызнуться? Выругаться? Но Стас смотрел на лаццицев с таким дружелюбием, что говорить ему гадости казалось нелепым.

– Это мой двоюродный брат Станислав, – спешно представила молодого человека в белом мундире Ксения. – Марк Валерий Корвин. – Корвин кисло улыбнулся. – Его сестра Лери, и ее

жених Ливий Друз. Трибун Луций Флакк... – Ксения оглянулась в надежде, что трибун уже посадил свою машинку, и готов присоединиться к компании.

Но флайер с “Клелии” висел в воздухе справа от дороги, а сиреневое облачко магнитной подушки под днищем машины сделалось почти непрозрачным. Это означало, что, несмотря на малую высоту, нагнетатели работают на полную мощность.

– А я не обманулся, наша гостья в самом деле поразительная красавица! – князь Станислав шагнул к Лери, щелкнул каблуками и галантно поцеловал ей ручку. – Черные кудри, светлые глаза! В ваших глазах, мадмуазель, легко утонуть. И я тону!

Лери улыбнулась в ответ.

– И откуда у вас информация о наших персонах, позвольте узнать, князь Станислав? – спросил Корвин. – Обо мне и, главное, о моей сестре.

– Можно просто Стас, – повернулся к нему племянник князя Андрея. – Счастлив познакомиться с вами, милостивый государь! – Юноша пожал руку Корвину. – Сколько вам лет? Двенадцать? Тринадцать?

– Восемнадцать.

– Неужели? – искренне изумился Стас. – Ну, как так можно! Вам надо было непременно сделать коррекцию гипофиза пять лет назад. Куда ж родители смотрели?! А теперь вы так и останетесь недомерком. Увы!

Марк покосился на Лери. При первой встрече он был одного с ней роста, а теперь перерос сантиметров на пять. Ну какой же он коротышка?

“Я прежде считал Друза невыносимым. А этот тип за пару минут доведет кого угодно до белого каления. Друз на него уже смотрит волком. Да и я с удовольствием дал бы ему по шее”, – мысленно рассмеялся Марк. Злость прошла.

– Так я задал вопрос... – напомнил он Стасу.

– Вы же следователь, Морковин, неужели сами не догадались?..

Марк был уверен, что Стас оговорился намеренно.

– Сведения от князя Константина, – сказал Марк.

– Ну конечно! – воскликнул Стас, будто был учителем и хвалил школяра за правильный ответ. – Конечно! Кто же еще! Что ж тут думать?! Кузен прислал мне записку. Я увидел вас и подумал: ах, если бы у меня были такие друзья! Вы, Корвин, и еще Друз... счастлив... безмерно счастлив... – Юноша принялся запоздало жать руку центуриону. – Жду – не дождусь, когда увижу трибуна Флакка. А Лери просто чудо. Ах, Лери, Лери! Лери-а... – пропел он довольно приятным голосом. – “Озерная фея, чудесная фея, тону в твоих светлых очах”...

Лери вся вспыхнула, едва услышала эту песенку.

– Мы стоим здесь посреди дороги и болтаем ни о чем, – сказал Корвин. – Давайте все-таки доберемся до усадьбы князя Андрея.

– Да, да, нам еще час лету... – засуетилась Ксения. – И Стас, прошу тебя, будь вежлив... Ты же знаешь, как надо себя вести с гостями, – наставляла она юношу, будто дите малое.

– Я – сама галантность, княжна Марья.

“Почему он назвал ее княжной Марьей? – удивился Марк. – Мария – младшая... Перепутал имена?”

– Прекрати! – вспыхнула Ксения. Похоже, на эту “княжну Марью” она всерьез обиделась. – Сколько раз я просила не называть меня так!

– А что такого? Нет, ты объясни, что такого? Я лщущу тебе, глупая, а ты злишься.

Лери первой направилась к флайеру.

– Лери, ну куда же вы! Я в вас сразу влюбился, а вы уходите! Не бросайте меня! – юный князь увязался за патрицианкой следом.

Лери обернулась, смерила Станислава снисходительным взглядом:

– Не стоило поступать так опрометчиво. – Она демонстративно взяла Друза под руку.

– Я все равно вас обожаю! – крикнул Стас ей вдогонку. – Ксюша, возьми меня к себе, у вас же там есть свободное кресло.

– А твоя летучка?

– Бросим здесь.

– Ну уж нет. Переведи свой флайер в режим “ведомого” и лети за нами. И постарайся не столкнуться с Флакком.

Делать было нечего – Стас направился к своей машине. Но по дороге посылал воздушные поцелуи Лери, даже когда патрицианка скрылась из виду.

– Этот ваш родственник, он всегда так себя ведет? – спросил Марк у княжны.

– На самом деле он очень милый и добрый человек! – заявила Ксения. – Но у него несчастный нрав.

“Да уж, несчастный, – прокомментировал голос, – за пять минут он успел обидеть вас троих”.

“Этот человек начисто лишен эмпатии, – отметил про себя Марк, – совершенно не чувствует, как другие относятся к нему и к его словам. Не думаю, что даже на Китеже подобное поведение находят забавным...”

* * *

Через час Ксения посадила флайер на просторной площадке нижней террасы усадьбы. На террасу верхнюю, где располагались дом и прилегающий к нему парк, вела широкая лестница, облицованная местным камнем, по цвету напоминающим янтарь. Префект Корвин, отец Марка, прилетая сюда, также оставлял свой флайер на этой площадке. Теперь Марк смотрел на усадьбу двувременным бинарным взглядом, отчего все как будто двоилось.

Пока выбирались из флайера, пока ждали Флакка (он что-то замешкался), Стас, опередив остальных, легко взбежал по лестнице.

– Дядя, дядя! – доносился его голос сверху. – Я встретил их по дороге. Такие замечательные ребята! Наконец-то у меня будут настоящие друзья!

– Стас! Я же просил не спешить... – донесся сверху голос, принадлежащий явно не старику.

– Я – неожиданный человек... Дядя, разве вы забыли?

Марк поднялся на верхнюю террасу. Князь Андрей Константинович в легком светлом костюме стоял у крыльца. За минувшие годы он ничуть не постарел. Напротив, помолодел, кажется. Здоровый, отнюдь не старческий румянец играл на его щеках, вокруг глаз, по-прежнему очень живых, исчезли морщины. Князь Андрей выглядел ровесником своего старшего сына Константина. Лишь длинные седые волосы выдавали возраст. Но теперь они казались париком.

– А, Марк! Рад вас видеть! Помните нашу встречу? – засмеялся Андрей Константинович, шагнув навстречу Корвину. – Мы оба помолодели с тех пор, не так ли?

– Так-то оно так, – согласился Корвин. – Только вы – это по-прежнему вы, а я – это уже не я.

– Неважно. Главное, что вы помните наш разговор. Память – вещь замечательная. Успели оценить?

– А вот и мадмуазель Лери, прекрасная Лери-а, озерная фея... – вновь принялся напевать Стас.

– Помолчи, дружок, – одернул его Андрей Константинович. – Иди, переоденься к обеду, погляди, на что только похож твой мундир! Весь измялся. И опять в пятнах. Право же, ты точно ребенок...

– Уже бегу. Я мигом! “Ты будешь моей, когда-нибудь будешь моей! Лери-а-а-а...” – запел Стас, удаляясь.

– Я не понял, а в каком он чине? – спросил Корвин. Спросить напрямую, как такой человек может служить, гость постеснялся.

– Это домашний мундир, – объяснил князь Андрей. – Все Рюриковичи имеют право на мундир. – И добавил со вздохом. – Хотя бы такой... Он служил, но служба его продлилась всего пару месяцев.

– Дядя, дай я расскажу, как все было, – тут же вмешался в разговор Стас. Оказывается, он лишь сделал вид, что уходит, и едва понял, что речь зашла о нем, немедленно воротился.

– Может быть, в другой раз? – попытался мягко возразить Андрей Константинович.

Не тут-то было!

– Вы только послушайте! – Стас ухватил Марку за локоть. – Я решил немного подшутить над своим другом Бертеневым, тайком привез на крейсер русалку... вы, верно, слышали про наших северных тюленей: внешне они вылитые русалки – хвост, груди, длинные зеленоватые волосы и почти человеческие лица. Так вот, я затащил русалку в кровать мичману Бертеневу. Не знаю, уж как так получилось, но я перепутал каюты. Вышло, что я подложил русалку не мичману, а капитану Игнатову. А тут мы, как назло, попали в метеоритный поток, не могли совершить прыжок, капитан сутки не покидал рубку, потом отправился к себе совершенно без сил и рухнул в койку. Тем временем в койке капитана тюлень мой успел испустить дух. Не только почил в бозе, но и напустил литров десять зеленой липкой жидкости. Бедняга капитан ухнул в этот зеленый клей и почти полчаса не мог из него выбраться. Комбраслет залепило слизью, Игнатов напрасно скреб узор ногтями – никто не откликнулся. К тому же дохлая русалка прилепилась к капитану намертво. Наконец кое-как он отделался от гниющей туши, и, как был, в одном белье, весь в зеленой слизи, кинулся в соседнюю каюту. Тут самое смешное... – Стас не выдержал и сам расхохотался. – Соседнюю каюту занимал судовой врач, очаровательная Наталья Григорьевна. Наш капитан за ней ухаживал... И намеривался предложить руку и сердце... Вообразите, наша докторесса открывает дверь, а на пороге... – Стас опять залился хохотом. – Она завизжала на весь звездолет. Да еще вlepила пощечину капитану – решила, что кэп так подуррачки ее разыгрывает. В общем – скандал! Хотели устроить надо мной суд чести, но Игнатов распорядился немедленно списать меня с крейсера. Даже не стали возвращать на Китеж, ссадили на ближайшей станции Звездного экспресса. Без денег. Без сопровождения. Форменное безобразие! Кстати, на базе я повстречал одну совершенно очаровательную певицу...

– Прошу тебя, хватит историй! – оборвал племянника Андрей Константинович. – И не вздумай что-нибудь подобное рассказать Валерию Флакку.

– Он не будет смеяться?

– Даже не улыбнется, – предрек князь Андрей.

Флакк уже поднимался по лестнице, но вряд ли мог слышать их разговор. Стас поглядел на военного трибуна:

– О да! Он вылитый капитан Игнатов. – И пустился наутек. Бегом.

Корвин усмехнулся: даже смелые люди испытывали перед Флакком невольную робость. Особенно когда тот бывал не в духе. А сейчас трибун звездных легионеров был мрачен как никогда. Князь Андрей также нервничал, хотя и старался скрыть. Для этих двух людей, недолго связанных узами родства, нынешняя встреча оказалась первой. Два года они винили друг друга в гибели Эмми. Теперь, благодаря Марку, все разъяснилось.

– Мои соболезнования, трибун Флакк, – начал Андрей Константинович почти официально. – Вы убедились, наконец, что ни я, ни кто другой с Китежа не виновны в гибели вашей сестры.

– Да, я знаком с результатами расследования, – отвечал Флакк. – Надеюсь, князь Сергей полностью поправился.

Хозяин усадьбы изобразил вежливую улыбку:

– Он чувствует себя очень даже прилично, но... пока что он только ребенок. Пятилетний ребенок. И прошу вас, ничего не говорите ему об Эмми.

– А вы...

– Старались не напоминать. Сереже сказали, что он получил опасное ранение на войне. Он не помнит жену, не помнит Психею. Зачем ему знать об убийстве Эмми? К чему вновь переживать этот кошмар?

– Потому что он был ее мужем... – неожиданно повысил голос Флакк. Кажется, слова князя Андрея изрядно его разозлили.

– Вот именно, был... – вздохнул старик.

– Но он все равно узнает, – начал спорить Флакк. Как всякий уроженец Лация, он не верил в личное бессмертие. Жизнь после смерти возможна лишь как память, как добрая слава. А его любимую сестру стерли из памяти мужа, – это походило на новое, пусть и виртуальное, убийство.

– Так пусть узнает как можно позже... – будто нехотя уступил князь Андрей. – Когда его личность полностью восстановится. Никак не сейчас.

– Я увижу Сергея?

– Возможно... Если захотите. Надеюсь, вы погостите у меня подольше. Сейчас на Китеже замечательная пора. Осень только-только подкрадывается. По-летнему тепло, можно и купаться в Светлояре, и яблоки собирать. Повсюду золото листьев. Что говорить – “прощальная краса”.

Марк передернулся. Не любил он осень. На Колеснице в эту пору рабы убирали на полях ле карро, и почему-то всегда было страшно холодно.

– Пожалуйте в дом, господа! – обратился к гостям князь Андрей. – Вам приготовлены комнаты во флигеле. – Хозяин первым направился к дверям.

* * *

Комнатки в доме были небольшие, но уютные. Спальня, туалетная комната, ванная. Из спальни стеклянные двери открывались в верхний парк. Обстановка выглядела почти аскетической. Ничего похожего на роскошь усадьбы Сергея не наблюдалось. Мебель, обитая белым в красную полоску шелком, массивные лакированные комоды из красной китежанской березы, тюлевые занавески на окнах, акварели в рамках на стенах. Все мило, просто, по-деревенски.

Друз проверил комнаты на наличие жучков, но ничего не нашел. Что и не удивительно. На Китеже для прослушивания используют не электронику, а местный грибок, способный передавать акустические сигналы. Практически каждый квадратный сантиметр помещения работает в этом случае как отличный микрофон. У этих микозных шпионов только один минус: любые строительные материалы они разрушают с поразительной скоростью. Так что если покой на Китеже отдадут запахом свежего дерева и сверкают яркими красками, знай: твоими разговорами кто-то очень интересуется.

Комнаты во флигеле не отделявали уже несколько лет... Милые трещинки на светлой охре добродушно подмигивали жильцам: не бойтесь, здесь безопасно. На всякий случай Друз установил на дверях и окнах датчики движения. Откроет кто-нибудь незваный дверь, и датчик разразится пронзительным визгом: опыт Психеи не прошел для центуриона даром.

– Ну вот, теперь мы можем поговорить без помех! – воскликнул Друз, закончив несложную свою работу. – Что скажешь, Марк? – Он явно ожидал похвалы.

– Скажу, что ты болтун! Только твоего дядюшки нам здесь не хватало! Мы же договорились: никому ни слова, пока не найдем твоего отца!

– Но это же его родной брат! – с обезоруживающей непосредственностью возразил центурион. – Как я мог что-то скрыть от дяди?! Мы столько лет считали отца погибшим, и вдруг оказалось, что он жив!

– Что ты так шумишь, Марк? – вмешалась в разговор Лери. – По мне, просто отлично, что дядюшка Друза на Китеже послом. Он устроит нам поездку в Блистбург и аудиенцию у Великого князя. Говорят, такого великолепия, как в великокняжеских палатах, нет даже во дворце императора Неронии.

– Он будет следить за тем, что мы делаем. – Довод получился не слишком убедительный. Но Корвин и сам не знал, чем ему так не нравится прибытие на Китеж нового посла. Не нравится – и все. Знакомый голос нашептывал: “Плохо”... А почему “плохо” – не объяснял.

– Не преувеличивай его влияние, – пожал плечами Друз.

– Ты нарушил договоренность, центурион! – вмешался в разговор Флакк. – Впредь... – последовала многозначительная пауза, и Друз невольно опустил голову. – Впредь никогда этого не делай!

Друзья еще не успели закончить разговор, как появился слуга – высокий, подтянутый, с зализанными на висках волосами старик во фраке и шелковых панталонах до колен. Белые чулки обтягивали худые икры. Едва он распахнул дверь, как включилась сирена. Друз кинулся ее отключать. При этом слуга и глазом не моргнул, стоял на вытяжку, ожидая, когда вой смолкнет.

“Затея с сиреной идиотская”, – подумал Корвин, краснея.

– Дорогих гостей приглашают в малую столовую, – сообщил старик с поклоном.

* * *

Корвин ожидал увидеть князя Сергея за обедом вместе с отцом и сестрой. Но нет. Андрей Константинович, Ксения, даже Стас – все господа присутствовали. Сергея не было.

– Мой сын ест в детской, – объяснил хозяин, не дожидаясь вопроса. – Ему рано садиться за общий стол.

Общий стол, длинный, накрытый хрустящей крахмальной скатертью овал, занимал почти всю площадь скромной столовой. Ножки стульев касались стен, когда гость поднимался из-за стола. Андроидов в качестве прислуги не держали: блюда подавали две краснощекие девицы в вышитых кофтах и сарафанах. По дому они расхаживали босиком, то есть совершенно бесшумно. Служанки, не скрываясь, прислушивались к господскому разговору; прыскали, слышав удачную шутку, да и сами порой отпускали меткие замечания. Хозяин подобное поведение одобрял и красоткам подмигивал. Впрочем, такое обращение ничуть не снижало дистанцию, что лежала между аристократами и прислугой.

– Я уже два года не выезжаю никуда из усадьбы, – признался Андрей Константинович. – Затворник. Отшельник. “В забытой сей глуши”.

– Похоже на изгнание, – заметил Марк.

– Добровольное. Я был горячим сторонником союза с Лацием. Но “латынь из моды вышла ныне”. Настаивать на прежнем смысле нет – можно лишь испортить то малое, чего удалось достичь и сберечь. А менять свои взгляды или хулить то, что прежде любил – не в моих правилах. Так что лучше отойти в сторону и ждать. Предаться вольной праздности.

– Чего ждать? – не понял Друз. – Изменения орбиты? Или планетарного потепления?

– Насколько я знаю, – Корвин осторожно пытался нащупать приемлемую нить разговора, – аристократы Китежа предполагали заключить союз с нобилиями Лация.

– Отдельные аристократы. И отдельные патриции. “Иных уж нет, а те далече”... Сторонников можно пересчитать по пальцам, – в голосе Андрея Константиновича отчетливо послышалась горечь.

Он пожертвовал собственным положением, карьерой сына и его жизнью – почти – ради осуществления плана, который с самого начала был обречен на неудачу.

– Я слышал, у вас на Лации все патриции наделены генетической памятью? – спросил Стас. – То есть помнят, что делали их папа с мамой и даже дедушка с бабушкой?

– Это правда, – подтвердил Корвин. – К примеру, мой отец бывал у вас в усадьбе двадцать лет назад. К слову, тут мало что изме...

– И что... все-всё помните? Без исключения? – перебил Стас, глаза его восторженно заблестели.

– Разумеется.

Стас хихикнул, попытался удержаться, но расхохотался еще громче.

– Получается, вы, Марк, должны помнить, как ваша сестра появилась на свет, так, что ли? – выдавил он с трудом сквозь смех.

– Дорогой мой, ты ведешь себя неприлично! – строго заметил Андрей Константинович.

– Всего лишь хочу узнать правду... разве это неприлично, дядя?

“Если парень сейчас прицепится к Друзу, они подерутся за столом”, – подумал Корвин. Ему и самому хотелось надеть фарфоровую супницу на голову Стасу. Но патриций должен уметь сдерживать свои желания.

– Андрей Константинович, – сказал он намеренно громко, чтобы заставить Стаса умолкнуть, – я бы хотел после обеда поговорить с вами об одном старом деле моего отца, оно так и осталось нераскрытым.

– Я в вашем распоряжении, мой юный друг.

Стас вновь захихикал и замотал в восторге головой.

Князь Андрей сделал вид, что не слышит нелепого смеха.

“Любой нормальный человек выставил бы Стаса за дверь через пять минут... А старик к нему снисходителен, – отметил про себя Марк. – Как к *сыну*... Вот именно, как к сыну. Стас ведь похож на князя Сергея. Если судить по голограммам и портретам. Только выглядит моложе. Но это можно списать на курс регенерации после ранения. Положим, выстрелы из парализатора не прошли бесследно, и под маской дурачка прячется князь Сергей? Тогда понятна нежность старого князя. Хотя нет, нестыковка... Зачем выдавать одного князя за другого? Ложная гордость? Надежда, что состояние Сергея-Стаса изменится, и он сможет, отбросив маску Иванушки-дурачка, вновь стать Иваном-царевичем? Игра масок... Карнавал...”

“Нет, нет, – запротестовал голос предков, – здесь идет другая игра... Будь начеку. И скажи Друзу, чтобы не увечил этого парня”.

Ну, наконец-то! Хоть один дельный совет удосужился дать. А то я заждался твой подсказки!

* * *

После обеда князь Андрей привел Корвина к себе в кабинет. Квадратная комната, шкафы с книгами вдоль стен, тяжелые бархатные портьеры – за двадцать лет здесь мало что изменилось. Даже кресло для гостей было тем же самым – поменялась только обивка. Корвин уселся, с удовольствием погладил подлокотники, положил ногу на ногу... И тут обнаружил, что смотрит на расположившегося за столом князя Андрея под другим углом, нежели отец: префект Корвин был куда выше ростом.

“Так и останешься недомерком”, – вспомнил юноша обидную фразу Стаса. Нахмурился.

– Как я успел заметить, поведение Стаса вас раздражает, – предварил хозяин усадьбы первую фразу гостя. – Мне и самому не хватает порой терпения. Но прошу вас... быть снисходительными. Бедный мальчик этого заслуживает...

– Я понимаю... – Корвин сделал значительную паузу.

– Ну и отлично... Отлично. Честно говоря, у меня возникла слабая надежда, что вы подружитесь с моим Стасом.

Корвин отметил местоимение “моим”. Неужели отгадка до неприличия проста?

– На Китеже он почти все время проводит в одиночестве или со стариками. А ему необходима компания сверстников. Племянник готов завести дружбу с каждым. Если вы и ваши друзья его приняли!.. Я даже подумал: а что, если вам взять его с собой на Лаций? Перемена мест пошла бы ему на пользу.

– Сомневаюсь. У него слишком несчастный нрав.

– Нет, подождите, не отказывайтесь сразу, у вас будет время его оценить. Ведь вы, несмотря на юную внешность – мудрец, проникающий в самые глубины человеческой души. Вы способны помочь. Я вам очень признателен, Марк Валерий, что вы раскрыли это дело на Психее. Я и не надеялся, что мы когда-нибудь узнаем правду.

– Признательны? За что? Нерония в ярости, не верит ни Китежу, ни Лацию... И я бы на их месте не поверил. Дело Николы приобрело огласку. Вы получили одни неприятности, когда правда выплыла наружу.

– Вы правы, Марк, и одновременно не правы. Да, затея с анималами стала достоянием галанета. Но это не мои планы, не моя операция. Я всегда был сторонником союза Китежа и Лация. Определенные люди... – старый князь сделал ударение на этих двух словах, – воспользовались моей привязанностью, воспользовались молодостью Сергея и его амбициозностью и задумали авантюру с захватом живых кораблей неронейцев. Теперь те же люди... подчеркиваю – те же – доказывают, что во всем виноват Лаций и покойная княгиня Эмилия. Чтобы загладить свой провал, интриганы клянутся в любви к Неронии. Но я – по-прежнему сторонник союза аристократии Китежа и Лация! – Голос старика зазвенел от гнева. Теперь только стал заметен возраст князя Андрея. Он был стар, безумно стар рядом со своим юным собеседником. – Возможно, я идеалист, но аристократ не может не быть идеалистом.

– У моего отца был друг-идеалист, хотя и плебей, – сказал Корвин. – Двадцать лет назад этот человек оказался в смертельной опасности. Отец отправил его сюда, на Китеж. Под вашу опеку. Его звали... Сергей Малугинский. Имя, разумеется, вымышленное. Но с тех пор мы ничего об этом человеке не слышали. Сын Сергея Малугинского двадцать лет считал отца погибшим. И только совсем недавно выяснилось, что Сергей не погиб. Вы знаете, где он сейчас?

– Знаю, – кивнул князь Андрей.

– И где?

– В озерном городе.

Ответ был ожидаем. Более чем. Именно поэтому Марк не сомневался: князь Андрей солгал. Зачем? Что на самом деле случилось с отцом Друза?

“Убит”, – шепнул голос.

“Нет!” – едва не выкрикнул Корвин вслух.

– Сын никогда не увидится с отцом?

– Выходит, что нет, как это ни прискорбно.

– А хотя бы поговорить им можно?

– Увы... Надо полагать, ваш друг, разыскивающий пропавшего отца – это Ливий Друз.

Марк пожал плечами: глупо отрицать очевидное. Если отец Флакка, бывший командир “Сципиона”, сейчас проживает на Лации, а отец самого Марка погиб много лет назад, то естественно, что третий в компании, Ливий Друз, и есть жаждущий отыскать отца единственный сын.

– Вы можете сообщить Сергию Малугинскому, что его сын здесь, на Китеже?

Андрей Константинович задумался.

– Попробую что-нибудь сделать.

Значит – все-таки жив... Тогда где он? Почему скрывается?

Корвин мысленно уже видел себя остроносой ищейкой, взявшей след. Преступление! Он отчетливо различал его запах. Еще нельзя было сказать – запах крови или запах тайны. Но что-то важное, преступное, связанное с именем Друза, князь Андрей скрывал.

Корвин шел из кабинета, опустив голову, подавшись вперед, будто в самом деле высматривал невидимый след. Остановился внезапно. С террасы доносились голоса. Причем весьма громкие.

* * *

Друз и Лери после обеда вышли на террасу. Сюда одна из служанок принесла серебряный поднос с кофе и пирожными на тот случай, если гости недостаточно подкрепились за столом. С террасы открывался прекрасный вид на осенний парк, дул теплый ветерок. На длинном столе, застланном клетчатой скатертью, играли солнечные блики.

Лери опустилась в кресло-качалку, оттолкнулась, скрипнули по-журавлиному ободья.

– Кстати, Лу, хочу тебя предупредить, – Лери хитро прищурилась. – В незнакомые двери здесь соваться опасно.

– В каком смысле? – Не понял Друз.

– Можно исчезнуть. Зайдешь в спальню горничной и очутишься в чистом поле. Или в лесу. Или на другой стороне континента.

– Откуда ты знаешь? Ты здесь один день... да и тот еще не кончился, – напомнил Друз.

– Не забывай про визит моего отца.

– Хочешь сказать, здесь повсюду нуль-порталы? Ерунда! Еще не созданы нулевки, работающие непосредственно на планете.

– Нет, не ерунда! В усадьбе есть какое-то хитрое устройство для розыгрыша гостей. Вообще на Китеже обожают розыгрыши. В отличие от Лация.

– Кто говорит о розыгрышах?! – выпрыгнул чертиком из коробочки Стас. – Кого разыгрываем? Княжну Марью? Дядюшку? Или Корвина? Корвина стоит разыграть – уж слишком малыш серьезен! Давайте поедem на север, к Дышащему океану, поймем русалку, и подложим ее Марку в кровать. Отличный розыгрыш. Неужели не хотите?

– Очень хочу, чтобы вы оставили нас в покое, – огрызнулся Друз.

Лери поднялась, намереваясь увести жениха в парк. Но не успела.

– А вы тоже все помните?.. – спросил Станислав у Друза. – Прошлое папы и мамы...

– Ничего он не помнит, – отрезала Лери. – Вообще ничего. Даже как вас зовут.

– Нет, я серьезно. Вы знаете приятельниц вашего отца?

– Я – плебей. У меня нет генетической памяти.

– А Лери? Она посвящена в маменькины приключения? Как матушка развлекалась в юности?

Прежде чем Лери успела помешать, ее жених сбил князя с ног.

– Не надо! – крикнула Лери.

Друз даже не оглянувшись, в ярости принялся пинать лежащего. Марк, в этот миг появившийся на террасе, оттолкнул центуриона и встал между ним и его жертвой. Но Друз вновь ринулся на обидчика. Марк успел поставить блок, потом еще и еще, отбивая атаку, но пятый или шестой удар пропустил. Пока Корвин восстанавливал дыхание, племяннику князя Андрея пришлось не сладко. Поднявшись, Марк сам перешел к атакующим действиям, после чего Друз оказался прижатым к полу. Марк не слишком церемонился, заламывая центуриону руку.

– Обещай, что не кинешься в драку снова! – Корвин еще чуть-чуть усилил захват.

– В-возможно... – протонал Друз.

– Клянись Лацием, что не тронешь больше Стаса.

– К-клянусь... не трону... сейчас...

Мерд! До чего упрямый! Но требовать большего Корвин не стал. Разжал пальцы. Друз вскочил. Лери тут же мягким но решительным жестом взяла жениха за локоть. И центурион присмирел.

– За что? – Стас поднялся на четвереньки. Лицо его было в крови. – Я к вам всей душой, а вы...

– Кажется, мы собирались прогуляться по парку, не так ли, Друз? – У Лери дрожал голос: подобной вспышки ярости от жениха она никак не ожидала. Однако и пенять ему не хотела. Ее честь защищал. И честь ее семьи.

– Погодите! – воскликнул Стас, поднимаясь. Но тут же согнулся от боли. Корвин придвинул к нему стул. Молодой князь сел. Взял со стола салфетку, приложил к разбитой губе. – Я этого оставить так не могу. Такого ни один дворянин Китежа оставить без последствий не может. Мы должны драться!

– По-моему, вы уже подрались, – заметил Корвин.

– Я имею в виду дуэль. – Станислав одернул разорванный мундир. Похоже, мундиров на день ему необходимо иметь целый гардероб.

– Что он сказал? Я не ослышался? Дуэль? – Друз смерил Стаса очень выразительным взглядом.

– Я сказал: такое оскорбление должно смывать кровью. После поединка мы вполне можем стать друзьями. То есть это часто бывает, когда прежние дуэлянты становятся друзьями, но простить оскорбление я не могу, а вы...

– Послушайте, что за абсурд... – Корвина, однако, никто не слушал.

– Надо полагать, выбор оружия за мной? – Кажется, мысль прикончить Стаса на дуэли показалась центуриону соблазнительной.

– Ну конечно. Выбирайте! – охотно согласился Станислав. – Вы можете думать до завтра... Или посоветоваться со своим секундантом. Я бы даже советовал вам...

– Спортивная спата, – заявил Друз.

– Отлично! Истинно римское решение. Спата! Замечательно! Если бы мы еще сражались верхом...

– Лошадей не надо, – решил Друз.

– Как вам будет угодно. Но Лери должна поглядеть на поединок. Два рыцаря дерутся ради прекрасной дамы... Я приколю на грудь алую розу в вашу честь, прекрасная Лери. Я – ваш рыцарь...

– У меня уже есть рыцарь, князь! – Лери крепко держала жениха за руку.

* * *

Корвин проследил, чтобы будущие дуэлянты направились в разные стороны: Друз и Лери спустились, наконец, в парк, а Стаса Марк сопроводил в его комнату: князю нужно было в очередной раз переодеться.

– Поймите, я не желаю вашему другу зла, – объяснял по дороге Стас. – Кольчуги во время дуэли дают стопроцентную защиту... Ни смертей, ни ранений. Несчастные случаи бывают. Но мы будем благоразумны, я надеюсь. – Похоже, пинки Друза изменили манеру Стаса выражаться. – Так что вам не о чем беспокоиться. Но я не могу простить оскорбление. Даже простой человек не снес бы. А я – князь...

Корвин по памяти отца воспроизводил планировку дома. За последние двадцать лет здесь ничего не перестраивали, делали лишь косметический ремонт. Комната Стаса располагалась на втором этаже рядом с детской.

– Как неудачно все вышло, – искренне сокрушался Стас. – Я же хотел вам помочь, Морковин. Всей душой хотел. Я, между прочим, знаю один важный секрет. То есть знал, а потом забыл... Один человек хотел вам его передать.

– Что за человек? – спросил Марк.

– Не помню.

– Андрей Константинович?

– Может быть, и он.

Видимо, князь Андрей задался целью непременно заставить гостей с Лация подружиться с его нелепым племянником. С каждым часом эта затея старого князя Марку нравилась все меньше. Трудно представить, как можно помочь этому парню, у которого напрочь съехал Капитолий. К тому же Корвин – следователь по особо важным делам (не важно, что еще не назначен), а не врач и не волонтер благотворительной организации эмпатов.

– Стас, будьте умницей... – Корвин поймал себя на мысли, что разговаривает с князем, как с ребенком. – Держитесь подальше от моего друга.

– Но почему?

– Друз ревнует к вам Лери.

Бредовое заявление! Но ничего убедительнее Корвин придумать не сумел.

– Неужели? Значит, я нравлюсь вашей сестре? – тут же сделал свои выводы Стас. – Какое счастье! Я и не смел надеяться!

Марк решил, что не будет ничего больше говорить, втолкнул Стаса в комнату и захлопнул за ним дверь.

– “Лери, озерная фея!” – тут же донеслось пение из-за двери.

Марк спешно отошел и остановился возле двери детской... Детская. В те дни, когда его отец гостил в усадьбе, детская была предоставлена в распоряжение Ксюши и гукающей в колыбельке Машеньки. Кстати, где теперь Мария? Почему о ней хозяйева усадьбы ничего не говорят? Уехала?

Марк толкнул дверь. Комната была залита солнцем и чисто прибрана. Игрушки собраны в коробки, голограммные планшеты спрятаны в футляры. Ничто не говорило о том, что в детской забавляется дитя под два метра ростом.

Услышав звук открываемой двери, из соседней комнаты вышла немолодая высокая женщина, в строгом синем платье и ослепительно белом фартуке. На ее седых волосах торчал нелепый крахмальный чепец, чопорный и наверняка чертовски неудобный.

“Зачем следовать реконструкции так строго?” – подивился Марк.

– Вы случайно не новый учитель для Сережи? – спросила женщина. – Андрей Константинович сказал, что учитель должен сегодня прибыть. Я приготовила для вас удобную комнату рядом с детской.

– Нет, я человек неученый. Хотел повидаться с Сергеем. Мой друг...

– Сереженька спит, – перебила нянька. – У нас тихий час. И с этим очень строго. Приходите вечером с ним поиграть. Он любит играть со взрослыми. Те его не обижают.

Марк отступил; нарушать обычаи чужой реконструкции – последнее дело.

“Возможно, ты ошибаешься, и Стас – не личина князя Сергея”, – шепнул голос предков.

Тогда кто он? С ним связана какая-то тайна. Но какая? Тайный агент? Смешно, даже если его придурковатость – личина. Тайна... Марк принюхался. Он как будто ощущал ноздрями ее запах. Нет, только запах духов.

Марк остановился у соседней двери. Будто нарочно она была приоткрыта.

– Мы же говорили о жемчужном платье! Таким, как у великой княжны! И что я вижу? Что, спрашиваю? – Марк узнал голос Ксении. В тоне княжны проскальзывали истерические нотки.

– Уверяю вас, княжна, красное платье вам будет куда больше к лицу, чем жемчужный каскад... – возражал другой женский голос. – Жемчужный каскад хорош, когда вам двадцать, не больше...

– Совсем не обязательно говорить мне гадости! – вспыхнула Ксения.

Марк поторопился пройти мимо.

* * *

Корвин направился к себе. Хотелось остаться одному, подумать... Не вышло. На пороге своей комнаты стоял Друз. Похоже, после прогулки настроение центуриона заметно улучшилось.

– Заходи! – крикнул жених Лери весело. – Я до вечера отключил сирену. И поправил датчики...

– Лучше поправь свои мозги. Мы не успели приехать, а ты уже нарвался на дуэль!

– Представь, все эти поединки – дешевый фарс! – с досадой воскликнул Друз. – Да, оружие заточенное, но легкое, из псевдостали. Все тело дуэлянта закрыто сверхпрочной “кольчужкой” и прочими доспехами. Я даже не смогу отрезать нашему безумному князю уши. Все, на что он может рассчитывать – это десяток синяков. В лучшем случае – перелом руки.

– Ты расстроен?

– Я в отчаянии. Лучше скажи, ты говорил с князем Андреем? Узнал, где отец? Что с ним?

– Боюсь... у меня дурные новости. То есть...

– Говори прямо, – оборвал его путанные объяснения Друз. – Что сказал старик?

– Сказал, что отец твой ушел к озерникам. Но я в это не верю... Хотя, ты сам знаешь – двадцать лет о твоём отце в галанете нет никаких сообщений.

Но Друз, кажется, не удивился. И не расстроился – тоже.

– Чтобы добраться до информации об озерных городах, нужна особая программа-код. Китеж не любит, когда о его тайнах болтают все, кому не лень. – Центурион протянул Марку инфокапсулу. – Пока мы сидели на пересадочной базе, я кое-что сделал. Речь ведь о моем отце. Но ты не волнуйся, когда будем искать твоего, я тоже не подведу.

– Извините, господа, но мне надо поговорить с секундантом Ливия Друза. – На пороге явилась Ксения в роскошном платье – длинном, до щиколотки, переливающимся всеми оттенками желтого, голубого. Видимо, это и был “жемчужный каскад”, о котором спорили женщины.

– Зачем вам секундант? – удивился Друз.

– Таков обычай. Секундант договаривается с секундантом о предстоящем поединке.

– Ха, вот оно что... – Корвин облегченно вздохнул. На Лации секундантом называли человека, который выйдет на бой вторым, если первый номер погибнет.

– Так вы секундант Станислава, княжна? – центурион расхохотался.

– Что тут смешного? – обиделась Ксения.

– Ваш вид, – поспешно объяснил Марк. – Для такой миссии нужно было выбрать более строгий наряд.

– Мой вид не имеет значения в данном случае.

– Неужели? – не поверил Друз. – Великолепное платье. Карнавал уже начался?

Ксения повернулась на каблуках так, что подол ее платья поднялся колоколом и зашелестел. У платья был один недостаток: оно привлекало внимания куда больше, чем его обладательница. Возможно, та, другая женщина была права: для Ксении такое платье было чересчур вызывающим.

– Сегодня уже темнеет, драться поздно. Или вы предпочитаете искусственное освещение? – Княжна рассуждала о правилах боя очень серьезно.

– К чему так торопиться? – хмыкнул Корвин.

– Я предлагаю Друзу и князю Станиславу встретиться завтра утром. В десять по местному времени. Вы отдохнете с дороги и хорошо выспитесь. Что немаловажно. А сегодня обсудим детали. Я бы хотела, чтобы противники примирились до поединка.

– Как бы не так! – хмыкнул Друз. – От удовольствия надрать задницу вашему кузену я ни за что не откажусь!

– Тогда... – еще один поворот, и платье вновь зашелестело, образовав блестящую вибрирующую спираль. Марк смотрел на вертящийся подол и не мог оторвать взгляда.

– Тогда обговорим, на каких условиях прекратится поединок, – не желала уступать княжна Ксения.

– Все! Финиш! Мне надоело. Деремся на мечах – чего тут обсуждать? – Друз демонстративно повернулся к секунданту Стаса спиной и принялся рассматривать открывающийся из окна вид.

– Обговорим, – согласился Марк.

– Биться будем до первой крови, – предложила Ксения.

– Откуда кровь? – Марк все еще смотрел на платье. – Защитные “кольчуги” нельзя пробить. Или...

– Кровоточить будет либо “кольчуга”, либо шлем. Хороший удар вызывает очень даже сильную струю, – сообщила княжна.

Ну что ж, поединок оборачивался детской игрой. Вроде тех, что проводят ученики военной академии, инсценируя Канны или битву при Заме. Или воскрешая победы Юлия Цезаря в Галлии.

– Пусть будет до первой крови, – кивнул Марк. – А ты? – повернулся он к Друзу. Но того уже не было в комнате. Корвин выскочил в коридор. – Друз! Даже если поединок условный, надо уважать противника! – крикнул вслед приятелю.

– Разве можно уважать то, что смешит? – отозвался центурион.

– Давно замечено, что с лацийцами очень трудно иметь дело... – вздохнула Ксения, выходя из комнаты вслед за друзьями. – Вы все воспринимаете буквально. А мы постоянно разыгрываем друг друга, шутим, подтруниваем. “Ничего серьезного”, – могло бы стать нашим лозунгом.

– И вы обожаете карнавалы, – напомнил Корвин.

Ксения рассмеялась:

– В данном случае форма идеально соответствует содержанию, вы не находите?

– Мне не известно содержание, так что не могу судить о форме. Но если вы расскажете...

– Нет, милостивый государь, так у вас ничего не получится! Карнавал надо увидеть и почувствовать... Вы увидите и почувствуете! Скоро.

И Ксения удалилась, легко скользя по сверкающему паркету, а ее платье шелестело и крутилось вокруг ног живым существом.

“Программа, – догадался Марк. – В платье встроен чип, задающий для ткани автономное движение. Причем чарующее движение...”

– Кстати, чем вы заняты вечером? – обернулась княжна. – Есть планы?

– Честно говоря... – промямлил Корвин. У него в кармане лежала инфокапсула, полученная от Друза, и юному следователю не терпелось покопаться в галанете и выяснить, наконец, куда делся Сергей Малугинский после того, как попал на Китеж.

– Намерены скучать? Не получится. Я вами займусь, господа! Отвезу вас на озеро Светлояр, увидите с высоты птичьего полета озерные города. Зрелище незабываемое, могу вас уверить.

– Но это же далеко.

– От усадьбы до озера рукой подать. Ну, так как?

– Может быть, завтра вечером?

– Нет, завтра уже не получится. Никак. Только сегодня. Решайтесь!

Марк подумал, что друзья непременно захотят взглянуть на это чудо Китежа. В самом деле – смешно: побывать на Китеже и не увидеть озерных городов.

– Я с удовольствием. Если вашего кузена не будет с нами.

– Он не полетит, – Ксения покачала головой. – Стас боится озерных городов.

– Тогда отвечаю за всех: мы летим.

– Пойду, подготовлю флайер. Встречаемся через час на площадке. – Ксения удалилась насколько быстро, насколько позволяло великолепное платье.

Первым делом Корвин постучал в дверь Флакка.

– Открыть! – долетел приказ изнутри.

Дверь распахнулась. Трибун лежал на диване неестественно вытянувшись, глядя в потолок. На столике у кровати были разложены заряженный бластер и два парализатора. Видимо, Флакк только что проверял оружие. При виде Корвина трибун сел на кровати.

– Что-то удалось узнать по нашему делу?

– Пока нет. Увы... Ты слышал, Стас и наш Друз решили драться на дуэли. Мне это не нравится... то есть дуэль безопасна... но все равно...

– Ерунда! Возможно, и у того, и у другого немного просветлеет в голове после парочки хороших ударов. Скажи им, что победителю я лично от себя добавлю по шее. С превеликим удовольствием.

– Что-то случилось? – обеспокоился Корвин. Флакк выглядел куда мрачнее, чем утром.

– Пришло закодированное сообщение. Меня отстранили от командования когортой.

– Ты и так в отпуске.

– Мой отпуск закончится через двадцать стандартных дней. А я отстранен на неопределенное время. Не припомню, чтобы с кем-то из патрициев так поступали. – Любое взыскание для патриция – взыскание десятикратное: о позоре предка будут помнить и внуки, и правнуки. Поэтому нобили Лация стараются не наказывать детей, помня, что дают подзатыльник всем будущим поколениям разом. “Подзатыльник”, полученный Флакком, был весьма ощутимым.

– Для тебя готовят особое поручение?

– Никаких объяснений.

– Хочешь вернуться на Лаций?

– Мне рекомендовано остаться на Китеже.

Корвин не знал, что надо говорить в таком случае. Как назло, голос предков молчал.

– Тогда предлагаю лететь на Светлояр, смотреть озерные города. Княжна любезно устраивает нам экскурсию, – наигранно весело сказал Марк.

– Почему бы и нет? – Флакк рывком вскочил на ноги. – Если меня оставят на Китеже лет на пять, устроюсь лодочником, буду возить туристов на прогулки.

– Послушай, все скоро прояснится, наверняка в твою пользу...

Флакк отрицательно покачал головой:

– Да плевать мне на карьеру. Я же отказался... впрочем, это сейчас не важно. Тут другое. Какие события могли послужить поводом для подобного приказа... Не могу понять, хоть убей.

Флакк говорил тихим ровным голосом, но от этого “спокойного” тона у Корвина мурашки бежали по спине.

“Случилось что-то чудовищное”, – шепнул голос предков. Да, для отстранения патриция-трибуна от командования когортой причина должна быть очень веской.

– Будем ждать новостей с Лация, – юноша попытался подбодрить старшего друга, хотя и не очень умело.

– Будем ждать, – согласился Флакк, – и смотреть на озерные города.

* * *

Ксения не обманула. Полет до берегов Светлояра был кратким, и зрелище в этот сумеречный час открылось бесподобное: воды озера темнели под медленно гаснущим небом, полосы блеклого тумана тянулись от воды к берегам. Потом весь мир переменялся почти мгновенно: небо окончательно погасло, а воды озера засияли, будто в глубине находилась таинственная лампа. Разом вспыхнули десятки и сотни огней – это озерные города вступили в ночную фазу. Теперь можно было отчетливо разглядеть бесчисленные купола: одни в умопомрачительной глубине, другие, погруженные всего на несколько метров, и третьи, плывущие на поверхности. За плывущими по воде полусферами оставались фосфоресцирующие пенные дорожки.

– Великолепно... – выдал Флакк. Кажется, только что увиденное зрелище заставило его на миг позабыть о тревогах за родную планету.

– А как они живут? За счет каких энергоресурсов? – тут же проснулся в Друзе технарь.

– Города полностью автономны, – принялась рассказывать Ксения. – Энергетический блок каждого города рассчитан минимум на сто лет, потом, после ветшания, происходит перезагрузка энергоблоков. А все остальное, потребное для жизни, обитатели озерных городов получают из воды. Воды Светлояра так и кишат жизнью...

– Когда эти подводники всплывут? – Друз не мог оторвать взгляда от застывших в глубине куполов.

– Через двадцать лет.

Друз присвистнул:

– Что? Seriously? Откуда вы знаете?

– Глубина погружения. – Ксения неожиданно заговорила отрывистыми фразами.

– Почему так долго? Зачем? – не унимался Друз.

– Оптимальный режим функционирования.

“Сама корявость ответа подразумевает его лживость”, – отметил про себя Корвин.

– А если кто-то захочет вернуться на поверхность раньше? – спросила Лери. – Что тогда?

– Придется подождать. Все озерники терпеливы.

– Вы говорили, оттуда никто не уходит, – напомнил Корвин. – Почему?

– Невозможно уйти, – слово “невозможно” Ксения произнесла с придыханием. И никто не свете не мог бы опровергнуть это “невозможно”, прозвучавшее над сияющими водами Светлояра, как приговор.

– Где-то там внизу мой отец, – сказал Друз. – Видит наш флайер и не знает, что я рядом. А что, если я спрыгну? А? Прыгну и поплыву к ближайшему куполу. Прямоком к отцу!

Друз встал. Похоже, он не шутил и в самом деле собирался сигануть в воды Светлояра.

– Не делай этого! – Лери вцепилась ему в руку. – Сумасшедший! Разобьешься о воду!

– Ерунда! Я знаю, мой отец там! – Центурион указал на ближайший купол.

– Стас решит, что ты струсил и сбежал, – сказал в спину центуриону Флакк. – Опозоришь честь лацийского офицера на все миры.

– Орк! – все, что мог выкрикнуть в ответ Друз. Он несколько раз с шумом выдохнул воздух и сел на место.

Флайер теперь мчался над самой водой. Боковые дверцы были подняты, и свежий воздух наполнял кабину. Хотелось лететь и лететь бесконечно, вглядываясь в мерцающие в водах огни.

– Это похоже на сказку, правда? – спросила Ксения.

– Сказка, – это совсем не то, что есть на самом деле, – заметила Лери, внимательно глядя на светящиеся в глубине купола.

“Зачем князь Андрей пытался уверить меня, что старший Друз у озерников?” – задавал себе один и тот же вопрос Марк, и не находил ответа.

“Отец Друза убит”, – нашептывал голос, но не очень уверенно.
“Нет, тут что-то другое, – возражал Марк. – Но что?”

* * *

Марк ожидал, что этой ночью в своих снах он очутится на Китеже, увидит озеро Светлояр, каким его запомнил отец.

Ничего подобного.

В противовес яркой реальности сон оказался на редкость нудным. Его дед, тогда еще только получивший должность префекта, листал страницы очередного дела. Подозреваемый именовал себя Геростратом и подробно описывал, какой восторг его охватил в тот миг, когда огонь начал пожирать здание музея. В защитном пожарном коконе бродил он по залитым зловещим красным светом залам, смотрел, как огонь пожирает картины, и хлопал в ладоши.

– Каждый должен в своей жизни что-то разрушить или кого-то убить, – поучал префекта Корвина новоявленный Герострат, – иначе вы не поймете, что такое жизнь.

Глава III

Дуэль

Друз снаряжался на поединок тщательно. Первым делом “кольчуга”. Название весьма условно. Больше всего этот плотный костюм походил на тончайшую кожу. Но кожу столь прочную, что мечом ее рубить бесполезно. Капюшон “кольчуги” закрывал и голову, и шею, оставляя лицо открытым. Куртка и брюки плотно облегали тело. Открытыми оставались лишь кисти рук и стопы. Но в комплекте имелись защитные перчатки и особые башмаки с высокими голенищами, плотно охватывающими икры. В довершение – пластмассовый нагрудник с юбкой, защищающей ягодицы и пах. На голову надевался прозрачный шлем со съёмным забралом. Теперь тело полностью неуязвимо. А голова, грудь и пах – под двойной защитой. Несмотря на легкость каждой детали, в итоге получается солидный вес. С непривычки в таких доспехах человек чувствует себя неловко. Если при этом учесть, что на Китеже притяжение больше лацийского (1,3 g, по-прежнему все отсчеты ведутся от матушки Земли), то экипировка вполне могла соперничать с рыцарскими доспехами. Но человека, пять лет прослужившего на борту “Сципиона”, подобные перегрузки не могли испугать.

Марк смотрел на приготовления приятеля с некоторой долей скептицизма. Ни один патриций не позволит втянуть себя в подобное ребячество. На Лации поединки не в чести. Другое дело – Китеж. Но, как говорится, “чужая реконструкция никого не вдохновляет”.

Друз взвесил спату на руке. Меч был удобен. Лезвие – острее бритвы. Но клинок недостаточно тяжел. Убить не убьешь – кольчуга не позволит. Даже кости хороший удар не переломает.

– Они здесь что, помешаны на поединках? – спросил центурион у Марка.

– На Китеже это обязательный ритуал. Каждый мужчина до тридцати семи лет должен драться на дуэли.

– Почему тридцать семь?

– Не знаю... Священное для Китежа число.

– Куда проще было решить дело обычным мордобоем, – пробормотал Друз.

* * *

Парк с тех времен как здесь бывал отец Марка, изменился куда больше дома и главной лестницы. Стал более ухоженным. И более искусственным. Прежде на главной аллее росли сиреневые местные ивы, теперь их заменили земные вязы. Желтизна уже тронула их темную зелень.

Таков человек: в дальние уголки космоса везет он частицы своего дома, не замечая, что при этом ломает чужой.

В конце аллеи Марк увидел знакомый фонтан: девушка с разбитым кувшином. Бронзовая неподвижная фигурка. Неспешно журчала струйка воды. Все почти, как прежде. Только к двум каменным вазам на постаментах добавились еще две точно такие же. И туи, обрамлявшие площадку, образовали настоящую стену.

Возле фонтана лацийцев поджидал Стас.

– Помните, Марк! – закричал князь, едва увидев секунданта противника. – Раз вы патриций, то должны помнить эту статую! – и продекламировал, немного нараспев:

“Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа

черепок”.

Подхватывайте!

Но Марк плотно сжал губы.

“И этот туда же – устраивает мне проверки!” – мысленно возмутился он. Хотя вряд ли Стас мог знать о рабском прошлом юного патриция.

– Ага, не знаете! Ну, так слушайте! Потом где-нибудь блеснете!

“Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны
разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна
сидит”.

– Там дальше, за аллеей и фонтаном, есть площадка, усыпанная песком. Отличное место для поединка, – сказал Марк.

– Да, да, именно там и будем драться... – радостно закивал Стас, будто речь шла о месте для пикника. – А мадмуазель Лери соизволит присутствовать?

– Не соизволит, – отрезал Корвин.

Ксения и Друз появились почти одновременно. Княжна послушалась совета Марка и в это утро надела темно-синий строгий костюм. Марк ожидал, что вот-вот должен подойти Флакк, но трибун почему-то опаздывал. Что казалось вещь почти невозможной.

– Вы верно, никогда еще не дрались на дуэли, милостивый государь! – Стас поклонился.

“Неужели этот шут – человек, которого без памяти любила Эмми? – подивился Марк. – Командир “Изборска”, спасший ей жизнь? Нет, чепуха... К счастью, я перестал каждую нелепую версию выставлять на суд друзей”.

– Начнем, господа? – спросила Ксения.

– Бойцы имеют что-то заявить перед поединком? – поинтересовался Корвин.

– Да, имеют, – сказал Друз. – Если Стас еще раз в присутствии Лери споет песенку про озерную фею, я сверну ему шею голыми руками.

– Нельзя быть таким вульгарным, милостивый государь! – воскликнул Стас. – Что касается прелестной Лери, то пусть наша фея выберет достойного!

– Начнем! – оборвал его Корвин, справедливо полагая, что новая фраза Станислава выведет Друза из себя.

Друз почти не занимался фехтованием – его коньком были единоборства. Но реакция хорошего бойца давала ему дополнительный шанс. К тому же спата для аристократа Китежа являлась оружием диковинным. Тогда как любой гражданин Лация гладиусом и спатой хоть немного, но должен был владеть. Как говорится, реконструкция обязывала.

Перед поединком Марк внимательно осмотрел мечи противников. Длина клинков совпала до миллиметра. Но меч Стаса был немного тяжелее.

“Стас не так глуп, как кажется, – шепнул голос предков. – Он нарочно провоцировал своего соперника. В расчете на победу. Попроси заменить клинок”.

– Прошу заменить клинок, – потребовал Марк у княжны Ксении. – Он слишком тяжел.

Княжна открыла принесенный с собой футляр.

– Этот?

Новый клинок был сантиметров на двадцать длиннее.

– Хватит привередничать! – крикнул Друз. – Клинок тяжелее, зато противник легче. Я согласен. Деремся.

Ксения махнула белым платком. Дуэлянты сошлись, обменялись ударами и тут же отпрянули. Ни один удар не достиг цели, никому из противников не удалось коснуться “кольчуги”. Корвин ощутил смутную тревогу.

“Я бы выбрал длинный клинок”, – бормотал голос предков.

Еще одна схватка. Мечи звенели... Ненатурально, с надрывом... как и должна звенеть псевдосталь. В этот раз Стас пропустил удар. Но клинок Друза рубанул по шлему, и “крови” не появилось. Однако удар был ощутимый, Стас пошатнулся и осел на песок. Ксения тут же метнулась к бойцам.

– Отойдите, милостивый государь! Вы обязаны отойти и позволить ему встать! – Раскинув руки, она загоразивала собой непутевого кузена. Или все же брата? Уж больно трепетно Ксения относится к этому парню.

Лелеет, бережет, жалеет...

Друз нехотя отступил. Огляделся. Возможно, надеялся втайне, что из-за ближайшей куртины за его подвигами наблюдает Лери.

Стас поднялся, снял шлем, тряхнул головой, вновь нахлобучил “каску”.

В этот миг на аллее появился Флакк.

– Стоять! – крикнул трибун издалика.

Но противники будто не слышали. Одновременно они ринулись друг на друга. Атаковать! Атаковать! – желал каждый, позабыв про элементарную защиту. Схватились, сцепились. Клинки будто прилипли друг к другу.

– Ха! – выдохнул Друз и ударил Стасу кулаком в лицо.

Князь опрокинулся на песок. Вскочил. Выпад. Луч блеснул. Марк даже не понял – откуда, кто... Друз отшвырнул спату и принялся дергать дымящийся рукав своей “кольчуги”. Рукав был прорван на плече. На коже багровел след ожога.

Стас сбросил шлем и закричал:

– О, Боже, нет! Нет! – И в отчаянии всадил свой меч в песок.

– Ма фуа! – Корвин опешил. – Да что ж такое?!

В самом деле – что произошло? Ведь не на бластерах дрались поединщики! А псевдосталь не могла рассечь “кольчугу”. Не могла, но разрешила, как бумагу.

Флакк не стал ни о чем спрашивать. Выдернул из песка спату князя и осмотрел.

– Все ясно, – сказал он, протягивая клинок Марку, – в рукояти управляющая капсула, при соприкосновении с кольчугой включается лазерный луч, идущий вдоль лезвия, и кольчуга “вскрывается”. А псевдосталь довершает дело. К счастью, в данном случае только лопнула кольчуга.

– Вот скотина! – взъярился Корвин. В следующий миг он готов был влечь “победителя” пощечину, но Флакк его остановил.

– Я не хотел, клянусь! – простонал князь. – Я не брал этот меч... нет... я выбрал другой... Не знаю... откуда...

– Ерунда, – фыркнул Друз. – Это даже не царапина. У меня столько ран... не было года, чтобы я не получал новую отметину. А от этой скоро и следа не останется. Никакой памяти о Китеже! – Подлость противника его обрадовала. Ну конечно! Разве теперь Лери может с симпатией взглянуть на недостойного?!

– Простите его, умоляю... – лепетала княжна. Похоже, она не понимала, отчего так весел Друз.

– Так держать, Стас! Молодец! – расхохотался центурион.

– Ксения, какой же вы, к Орку, секундант! – повернулся к девице Марк. – Мы обговаривали условия! Осматривали оружие, так почему...

– Вы тоже осматривали.

– Но я не знал, что возможна подлость.

– Это не подлость, – вмешался Флакк.

– То есть как – не подлость? – изумился Корвин.

– Подлость, но я ее прощаю, – милостиво махнул рукой Друз. И поморщился – ожог все же давал о себе знать.

– Стас – член общества Дантеса. У него есть право на скрытый удар, – объяснил Флакк. – Меня предупредил князь Андрей, когда узнал про дуэль. Но я опоздал на минуту.

– Да не выбирал я этот меч! – в отчаянии завопил Стас. – Не хочу больше быть Дантесом... Теперь, когда у меня есть друзья... Я не хочу... – Марку показалось, что Стас сейчас расплачется. Ксения обняла кузена и прижала к себе. Он оттолкнул ее почти грубо.

Прямоком по клумбам, перескакивая через невысокие куртины, мчалась Лери.

Разумеется, она наблюдала за поединком. Пряталась в беседке.

* * *

Ожог на руке Друза Лери опрыскала регенерационным раствором и заклеила пластырем. Марк при сем не присутствовал: сразу же после дуэли князь Андрей пригласил Корвина к себе в кабинет.

– Насколько я знаю обычаи Китежа... – начал Корвин. Он уже не уточнял, что обычаи Китежа знал только его отец, – дуэли здесь распространены повсеместно. Но если правила поединка можно бесцеремонно нарушать... – Он многозначительно оборвал себя на полуслове.

– Все так, – согласился князь Андрей. – К моему наиглубочайшему сожалению произошла ужасная ошибка. Вы слышали про общество Дантеса?

– Сегодня впервые. Узнал от Флакка.

– Увы. Кто бы мог подумать, что такое возможно. В любом поединке поклонник Дантеса может нарушить установленные правила. Если секунданты не заметят до начала боя его ухищрений. – Князь Андрей был по-прежнему вежлив. Безукоризненно. – Чье имя может быть отвратительнее для обитателя Китежа, чем имя Дантеса? Но многим вьюношам (он так произносил это “вьюношам”, что сразу становилась ясна вся незрелость и неустойчивость молодого племени китежан) нравится надевать злодейские маски. Они не скрывают, что носят личину Дантеса. Возможно, вы не знаете, что Дантес надел перед поединком кольчугу, потому и пуля отскочила, не поранив убийцу поэта.

– Неужели?

Почему же такие кольчуги не носили в то время солдаты или хотя бы офицеры в бою? Интересно, что бы сказали обитатели Колесницы, услышав такое? Но у них своя реконструкция. Какое им дело до синдрома Дантеса на Китеже?

– Почему ни меня, ни Друза не предупредили, ваше сиятельство?

– Вы не сказали мне, что будете драться! – воскликнул старый князь. – Как только я узнал про дуэль, тут же послал Флакка остановить бой.

– Сказать заранее было нельзя? Ваш милый племянник мог устроить нам подлость по другому случаю.

– Стас дал мне слово, что более не имеет дел с этим обществом, что снял маску Дантеса навсегда. Но, видимо, желание победить заставило его нарушить слово. К тому же вы намекнули, что в курсе, и я не стал вести этот неприятный для нас обоих разговор.

– Намекнул? Ах, да! Нет, я имел в виду совсем другое. Но постойте! Вы поклоняетесь Пушкину, поэт для Китежа, вы говорите “это наше все”! Тогда откуда это общество Дантеса и желание подражать убийце?

– Людям нравится убивать богов. Особенно, если из ран бога льется кровь смертного. Принести своего кумира в жертву – что может быть волнительнее для человека? Для юного

человека... Разрушить то, что свято... О, в этом есть особая сладость... Экстаз... – Андрей Константинович неожиданно разволновался.

– Вы что, одобряете подлость? – Корвин произнес вопрос с тихой яростью, чеканя каждое слово.

– Боже упаси! – старый князь перекрестился. – Я всего лишь пытался объяснить вам суть явления. Кажется, у вас на Лации это называется “комплексом Герострата”?

Марк тут же вспомнил свой сон. Голос предков предупреждал его. Но подсказка была столь невнятной, что юноша ее не понял.

– Что касается моего племянника... – продолжал старый князь, – Стас лишился отца, когда ему было два года. Потом мать забрала его в озерный город, где он пробыл десять лет.

– Оттуда не возвращаются, – напомнил Марк.

– Именно так. Озерные города – наша постоянная головная боль. Население их растет год от года, и они абсолютно неуправляемы. Они считают, что на тверди человек не может быть счастлив, и не отдают наверх детей. Но Стас вернулся... Душа его теперь – разбитая урна. Для него нет ни правил, ни законов. Я и мои близкие, мы принимаем его таким. Посторонним очень трудно объяснить, что Стас не виновен в том, что творит... Но если вдуматься – он всегда говорит правду. Абсолютную, голую правду, которую невыносимо принять и понять. Это обжигает, рождает ненависть.

“Китеж использует для реконструкции не историю, а литературу, – шепнул голос предков. – Их основа – русская классическая литература...”

– Правду... – Корвин саркастически усмехнулся. – Мне показалось, что он... как у вас говорят... “Человек без царя в голове”, – очень кстати вспомнилось еще одно произведение основы.

– Вот и вы не верите, что никакого злого умысла в сегодняшнем происшествии не было.

– Конечно, не верю, – резко отвечал Корвин.

– Марк... – сокрушенно покачал головой Андрей Константинович. – Мне кажется, вы ненавидите Стаса.

– Почти.

– А вы должны его жалеть.

– Должен жалеть? Но почему? Если он психически болен – лечите его. Если здоров – пусть отвечает за свои поступки.

Старый князь печально посмотрел на юного патриция:

– Мы не понимаем друг друга, мой юный друг. В нашей реконструкции есть совершенно уникальная традиция. Явление, которое можно назвать термином “самопринуждение”... Хотя данное слово лишь отдаленно передает суть явления. Среди нас немало людей, которые умеют усилием воли, напряжением душевных сил заставить себя полюбить – именно полюбить – человека, который им неприятен, или явление, которое вызывает у них непонимание, отторжение. Так святой Августин заставил себя когда-то поверить в Бога, хотя все его здравомыслие античного человека восставало против чудесной веры в Спасителя. Мы называем это явление словом “принятие”. “Принятие” – чудесное явление духа. И я прошу вас – примите Стаса. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Нет, – отрезал Корвин.

* * *

Почему отец ничего не оставил сыну в памяти о странных особенностях китежанской морали? Не понял – и отбросил? Не понял – и забыл?

Марк достал капсулу с “трубочками памяти”, закурил. Сиреневые колечки дыма потянулись к потолку. Вспоминай, Марк. Ты обещал Друзу вернуть отца. А вместо этого втравил в дурацкую схватку с психом-аристократом.

Клинки, поединки... дуэли. Дантес. Кудрявый красавец, дамский любимец. И если вдуматься – загадка. Как загадочен лист белой бумаги, закрытая дверь, человек, который смеется, когда вы плачете. Дантеса не пытались понять или оправдать. Его копировали чисто внешне. Да он и был всего лишь картинкой, одежкой, маской. И маска эта пользовалась здесь поразительной популярностью. Почему голос предков не сообщил Марку обо всем открытым текстом, но лишь послал невнятный намек, заменив Дантеса Геростратом? Возможно, его отец не интересовался аспектами здешней реконструкции. Пребывание префекта Корвина на Китеже двадцать лет назад было кратким. Что-то префект с Лация заметил, но лишь краем глаза. А предки напомнили, как могли и умели.

Марк затушил “сигарету памяти” в пепельнице и обратился к галанету. Поединки... правила... Корвин не ошибся. Голос предков не обманул. Двадцать лет назад правила в самом деле были нерушимы. Но уже тогда появилась группа шалопаев, отточивших свое мастерство и намеренно затевавших ссоры. Они оскорбляли известных людей, талантливых ученых, мастеров видео и поэтов... Все, в ком чувствовалась хоть какая-то “иность”, попадали под удар усовершенствованной шпаги. “Какой интерес сражаться, если кольчуга гарантирует тебе неприкосновенность, вместо кровавых ран и смерти – пару синяков”, – вопрошали авантюристы. Некто Уваров (он первый ввел термин “маска Дантеса”) провозгласил, что дуэльные правила должно нарушать. Вместо старинных пуль, которыми не пробить современные кольчуги, – лазеры, вместо безопасных клинков – способные наносить кровавые раны. А то, что противник не ведает, какая подлость ему уготована, придает дуэлям ни с чем не сравнимое упоение. Марк на всякий случай коснулся светового значка “повтор” и вызвал текст на экран для чтения. Слушая, он мог ошибиться. “Упоение”, – перечитал строку Корвин.

“Упоение в бою”, – цитировал новый Дантес слова Пушкина.

То, что двадцать лет назад началось уродливым позерством, вскоре превратилось в повальное увлечение. За несколько лет подлость получила право на существование. Среди дуэлянтов возникло соревнование – кто кого переплюнет, нанося удары исподтишка. Судебные власти пытались преследовать “дантесов”, галанет пестрел возмущенными откликами. Но на все протесты у “дантесов” существовал универсальный ответ, способный обезоружить любого противника: “А ты, батенька, не Пушкин!” В мире, где данное слово было сильнее закона, где честь блюли как святыню, выросло поколение, попирающее все общественные правила. Впрочем, образовалось еще одно общество, пусть и малочисленное – явились желающие сражаться с “дантесами”. Антидантесы бились и зачастую погибали. Что это было – безумие? Или особый вид смелости – вызывать подлость на бой, заведомо зная, что шансы не равны? Биться, зная, что проиграешь.

Видимо, не само рождение, но только preliminary этого явления застал отец Корвина, посетив двадцать лет назад Китеж. Отец оставил сыну предупреждение, переиначив его на свой “античный” лад.

Корвин запустил в галанет программу Друза и стал искать Сергия Малугинского на планете Китеж.

Итак, поглядим, что покажет нам галанет.

Да, Сергей Малугинский прибыл на планету двадцать лет назад. Прожил год в небольшом поселении “Лесное” и ушел в озерный город. Больше никакой информации не было. Что и не удивительно: жители озерных городов не пользуются галанетом и не выходят на связь. Есть десятки, сотни голограмм: купола над водой, то ярко-синие, непрозрачные, то озаренные изнутри призрачным светом, гирлянды огней вокруг них на воде. Вот новые снимки: подводная часть купола, расплывающееся пятно с более ярким центром, снующие в глубине челноки.

И никаких конкретных данных о том, как устроена жизнь внутри. Бесконечные повторы одного и того же – отгороженность, неподчинимость, невозможность вернуться. Невнятно, неясно... слишком много “не”... Любого следователя эта частица должна насторожить. Марк и так был настороже: давно он чуял обман, преступление. Но пока информации не хватало... Как говорится – тела нет, но коршуны уже кружат в небе.

Лишь в одном месте промелькнуло что-то конкретное об озерниках. Журналист с Нерони утверждал, что каждым городом руководит человек, которого озерники называют “сомом”. Общий “сом”, неведомая личность, контролирует все озерные города, где все жители города заняты одинаковым трудом, едят вместе, вместе отдыхают. Что-то почти мифическое, древнее... Община, коммуна... Возможно, твердь устраивала подобная ситуация? Неужели никто не пытался проникнуть туда, чтобы собрать информацию и вернуться? Ах да, почти все остаются там. Но почему? Стас был у озерников и вернулся. Пусть он был тогда ребенком, это не имеет значения... неужели из него не вытянули подробные данные о том, что он видел и слышал в куполах? Или ничего не нужно было “вытягивать”?.. Наверняка есть и другие, кто видел изнутри озерные города. Выходит, для большинства китежан устройство озерных городов – не тайна? Но тайна для иных миров.

Почему?

* * *

– Марк! – вызвал его по комбраслету голосок Лери. – Ты знаешь, что сегодня вечером в усадьбе карнавал?

– Вот как? В первый раз слышу...

– Все так расстроились из-за этой дуэли, что все перепутали и перезабыли. Я к тебе заскочу.

Через минуту комнатка Марка наполнилась шуршанием шелка, запахом духов, смехом Лери. Голубые волны ее платья колыхались повсюду – они вспенивались, искрились и будто нарочно задевали Марка. Шнурованный лиф стягивал талию Лери до узости тростникового стебля. От кружев нельзя было оторвать взгляд – они завораживали, причем замысловатый узор постоянно менял очертания. Но куда сильнее кружев привлекала взгляд полуобнаженная грудь в вырезе глубокого декольте.

“Совсем как у ее матери”, – напомнил голос.

“Заткнись!” – мысленно Марк попытался врезать голосу кулаком. Да не сумел.

Лицо девушки скрывала маска – смазливое курносое личико с ослепительно белой кожей, чертами совершенно не схожее со смуглым лицом Лери. На верхней губе вызывающе чернела мушка – она больше всего не понравилась Марку. Адаптированная прорезь рта меняла очертания, когда Лери говорила, искусственные веки моргали в такт настоящим.

– Мода восемнадцатого века, – сообщила Лери, поправляя на шее черную бархотку с крупным алмазом. – Учти, Марк: без костюма на карнавал нельзя. И срывать маски с других запрещается. Уф!.. – Лери сдернула маску и белый напудренный парик, усыпанный жемчугами и алмазами.

Несколько камней брызнули синими искрами, падая на пол с парика. Звезды с небосклона... После карнавала их будут собирать горстями.

Лаций всегда придерживался скромности в одежде, здешняя маскарадная пышность поразила Марка.

– А что наденешь ты? – поинтересовалась Лери.

– Я должен что-то надеть?

– Конечно! Или ты собираешься запереться в своей комнате? По-моему тебе надо развеяться! Обольстить какую-нибудь китежанку! – Лери слегка коснулась его полуобнаженным

плечом. Марк спешно отстранился. – Ну вот! Теперь я вижу: тебе это просто необходимо! Поглядим, что можно заказать в ателье усадьбы. Я предложила Друзу надеть костюм подстать моему, но он отказался, заявил, что явится на бал в форме римского центуриона. Я не стала спорить. Тем более что центурионом никто больше не захотел нарядиться. Друз будет у нас один единственный и неповторимый.

Лери вызвала через управляющий компьютер усадьбы карнавальное ателье.

– Хочешь наряд арабского шейха? Нет? Костюм Пьеро? Наряд менестреля? Нет? Тогда выбери шелковый жилет, кружевное жабо и голубой шелковый кафтан с белыми отворотами, расшитыми алмазами и жемчугом... Ах нет, этот костюм уже кем-то заказан... Тогда остается... нет, того не подходит. Лациец никогда не наденет тогу на карнавал. Впрочем, и китежане не заказывали их в этом году. Не хочешь костюм зеленого монстра из последнего головидео?

– Не хочу, – перебил ее Марк. – А что скажешь про маску Дантеса?

– Хочешь испытать личину Дантеса? – изумилась Лери. – На карнавале?

– Нет... Просто хочу узнать, как много Дантесов на сегодняшнем маскараде.

– Представь, трое.

– А что, если мне нарядиться на карнавал центурионом? Или легатом? Поддержим славу Лация...

– Выбери лучше костюм графа Калиостро. Балахон из черного шелка до полу, весь испещрен пылающими красным иероглифами, на голове тюрбан из золотой парчи, из такой же парчи пояс. На пальцах – перстни с крупными бриллиантами. В придачу рыцарский меч с крестообразной рукоятью. По-моему, эффектно.

– Меч, конечно, настоящий?

– Конечно, бутафорский. Кстати, я забыла сказать: настоящие оружие гости на время карнавала сдают хозяину усадьбы, и он запирает его в сейфе.

– Неужели Друз расстался со своим бластером?

– Нет, конечно. Так что делать с костюмом Калиостро?

– Заказывай.

– А лицо? Лицо создают отдельно. – Лери принялась менять черты стандартной маски, световой карандаш стирал то рот, то нос и рисовал заново. – Вот так...

Лери сделала более твердую линию рта, удлинила нос, резко очертила ноздри, подправила брови, вместо растерянно-удивленного выражения явилось гордое и одновременно веселое. Марк заметил, что маска сделалась похожей на Друза, но не стал говорить об этом вслух и лишь одобрительно кивнул.

* * *

Костюм принесли через сорок минут. Марк в наряде Калиостро казался выше ростом.

“Если бы я в самом деле выглядел так, – думал Марк, разглядывая свое отражение в настоящем, а не в электронном зеркале, – никто бы никогда не усомнился в моем патрицианском происхождении. Но сколько лет должно пройти, чтобы рабское прошлое стерлось если не с моей души, то хотя бы с лица?”

– Идем, идем! – торопила его Лери. – Слышишь музыку? Карнавал вот-вот начнется!

Но едва они вышли из комнаты, как тут же кто-то метнулся им наперерез. Корвин уже готов был нанести удар, как увидел – человек рухнул перед Лери на колени. Это был Стас. Восточный костюм, тюрбан сбился набок, маска в руке.

– Умоляю! – Стас ухватил голубую оборку на юбке Лери и прижал к губам. – Простите. Поверьте мне... я не был подл... ни секунды... ни мига. Ни в мыслях, ни в поступках... Простите, умоляю...

– Так поверить или простить? – спросила Лери.

– Простите... – Стас всхлипнул. – Если бы вы только знали, как мне тошно... Если бы меня так любили, как вы любите вашего Друза... хоть один день, хоть один часок... хоть минуточку... я бы... самый счастливый... – Стас окончательно сбился, уткнулся лицом в юбки Лери и принялся громко всхлипывать.

“Притворяется или действительно плачет? – недоуменно спросил голос предков. – Только бы не высморкался в платье!”

– Стас, вот ты где! Прекрати! Не надо! Простите его! Прошу вас, простите! – Княжна Ксения подбежала к кузену, ухватила за локти и попыталась поднять. Но Стас не собирался оставлять Лери, он мотал головой, упирался и мертвой хваткой цеплялся за голубой волан.

Сцена вышла и смешной, и нелепой.

– Я не могу так больше! Не могу! – всхлипывал Стас. – Вы нужны мне, Лери!

– Простите его, прошу вас! – Ксения, наконец, заставила Стаса подняться и принялась подталкивать кузена к выходу из коридора.

Поначалу Стас сопротивлялся, порывался вернуться, но потом покорился и безропотно пошел за двоюродной сестрой.

– Бедный ты мой! – Ксения остановила кузена, кружевным платочком вытерла ему лицо, пригладила взлохмаченные волосы. – Стас, миленький, ну зачем плакать? Ты же обожаешь карнавалы. Пойдем. Будем веселиться!

Она сюсюкала с двадцатилетним парнем, как с ребенком. Но это, кажется, успокаивало Стаса. Он безропотно позволил кузине надеть себе на голову маску. Бездушная личина заулыбалась, захлопала веками.

– Вот видишь, вся боль прошла! – ненатурально засмеялась Ксения и тоже скрыла свое лицо под личиной. Теперь обе маски, наивные, почти глуповатые, широко улыбались и подмигивали.

– Мне его жаль... – прошептала Лери. – Хотя он и противный...

– Жаль настолько, что ты готова его принять? – живо спросил Корвин.

– Что за чушь ты болтаешь? Принять? В каком смысле?

– Принять его дерзость, его взбалмошность и наивность, принять его бестактность...

– Прекрати! Достаточно, что я принимаю твою глупость и бесшабашность Друза. Этого вполне достаточно.

– Нет. Не так. Ты принимаешь мою глупость и бесшабашность Друза, потому тебе нравится и то, и другое. Ты нас обожаешь за глупость и бесшабашность. А китежане принимают то, что отвратительно, что их ранит, унижает, бесит.

– Ага! Принять – это значит – отдаться первому встречному и еще при этом получить удовольствие.

– Милая моя, ну что ты говоришь! Сама подумай! Зачем отдаваться первому встречному, как не для того, чтобы получить удовольствие? – изобразил наигранное недоумение Марк.

– Все! Хватит! Или я сорву с тебя маску и расцарапаю лицо! – пригрозила Лери.

И продемонстрировала пальцы с очень длинными ноготками.

– Отличные костюмы! – Им навстречу уже спешил какой-то человек в двуцветном синезеленом камзоле и трико в обтяжку, тоже двуцветном. Костюм не очень вязался с атлетической фигурой и широкими плечами. Лихо сдвинутый на затылок берет украшали петушиные перья. В темных фальшивых волосах разноцветными огоньками переливались конфетти. Но даже смазливая маска двадцатилетнего юноши никого обмануть не могла.

– Флакк? Что за нелепый наряд? – засмеялась Лери.

– У вас все в порядке? – Трибун снял маску.

– У нас все отлично!

– Меня срочно вызывает в посольство военный атташе, – сказал Флакк. – Зачем – не знаю. Надо лететь. Может быть, уедем вместе? Мне кажется, здесь что-то назревает. Поверьте моему чутью.

– Я хочу поглядеть на карнавал! – заявила Лери.

– А я должен найти отца Друза, – напомнил Марк.

– Он явится на карнавал? – неуклюже пошутил Флакк.

– Не удивлюсь!

– Я пришлю вам охрану, – предложил Флакк.

– Князь Андрей обидится, – решил Корвин. – Ведь мы его гости.

– К Орку в пасть все обиды его сиятельства! – заявил Флакк. – Я уже вызвал охрану. На случай, если вы останетесь. К утру два охранника будут здесь. Я улетаю.

– Скоро вернешься?

– Неизвестно.

* * *

Свет то вспыхивал ярко, то почти угасал, тогда начинали светиться костюмы карнавала. Ящеровидный монстр с головой тиранозавра и восемью конечностями сиял изумрудной чешуей. Десятки фасеточных глаз; белые фосфоресцирующие медузы, чьи ажурные вуали обжигали кожу; горящие пурпуром языки и алые мускулы человека без кожи – все светилось. И одновременно дурачилось, приплясывало, несло куда-то, вертело в водовороте и влекло, влекло, влекло...

Вот чей-то теплый язычок коснулся щеки, вот руку ухватила когтистая лапа. С потолка, кружась, разноцветным снегом сыпались конфетти. Раздвижные двери между бальной залой и гостиной исчезли, и весь огромный холл заполнился масками. Отсюда можно было попасть в вестибюль и на уличную террасу. И внутри, и снаружи – толчея, суета. От мельканья личин рябило в глазах. А на нижней террасе садились все новые и новые флайеры. Казалось, весь Китеж явился в гости. Атмосфера радостная, суетливая и немного тревожная.

– Нерония!

– Нет, Цин!

– А я говорю – Колесница! – спорили друг с другом маски. Мужчина в восточном наряде до полу, с широкими рукавами, прятал кисти рук под белым шелком нижней одежды. Второй – в белом мундире и кирасе, а третий – в бархатном берете и коротком камзоле с узкой талией и разрезами на рукавах.

Меж гостей сновали лакеи в алых ливреях и шелковых панталонах, разнося подносы с шампанским и шоколадными конфетами.

– Шампанское с Колесницы! – сообщал гостям высокий лакей в эфиопской маске.

Среди этого карнавального действия только сам хозяин, старый князь, явился с открытым лицом. Зато надел шитый золотом кафтан с отворотами из серебристого шелка, белый камзол, белые шелковые чулки, на пряжках туфель сверкали бриллианты. В одной руке князь держал золотую табакерку, в другой – синюю розу.

Марка со смехом окружило с десятков барышень-эльфов.

– Маска, мы тебя знаем! – воскликнула одна из них и поцеловала в губы. И тут же остальные кинулись целовать.

Одни довольно умело, другие совершенно по-телячьи тыкались в губы. Но от всех пахло одинаково – лесной земляникой.

– Это не он! – в ужасе выкрикнула одна из барышень, и стайка эльфов с хохотом умчалась.

Марк поднялся наверх, на галерею, сверху он видел лишь пестрые волны карнавала – они захлестывали, били через край, и все густеющий снег конфетти не давал ничего разглядеть

толком. В одном месте Корвин заметил движение вспять, потом что-то похожее на водоворот. Вгляделся. И понял, что с десяток масок напали и бьют кого-то. Блеснула чешуйчатая лорика и накладные фалеры... Палка взметнулась и ударила нападавшего – римский центурион умело защищался. Друз? Марк помчался вниз – не по ступеням мчался – по перилам. Нырнул в толпу. Споткнулся – кто-то барахтался на полу под ногами, потом сверху навалился еще кто-то. Когда Марк выбрался из кучи – малы, и, борясь с волнами карнавала, добрался до места драки, римского центуриона нигде не было видно. Какой-то наряженный французским гвардейцем человек поправлял медвежью шапку.

– Он мне маску сломал, ничего не вижу... – бормотал гвардеец, пытаюсь приладить на прежнее место кусок лопнувшей псевдокожи. Нос маски был смят, и потому голос звучал гнусаво.

– Это лациец, клянусь... – говорил “японский самурай”. – Никто из китежан не выберет такой костюм...

– Лаций обречен! – изрек гвардеец.

– Марк! – услышал Корвин в комбраслете голос Лери. – Я направляюсь к нашей девушке с кувшином. Подстрахуй.

Связь отключилась. Лациец повернулся на каблуках, все еще надеясь в толпе отыскать Друза. Но центурион исчез. О какой страховке шла речь? Что задумала Лери? Марк ощущал, как по зале прокатываются волны вполне осязаемого безумия. Надо было спешить.

Корвин бесцеремонно растолкал гостей и двинулся на террасу, чтобы попасть оттуда в сад. Его пытались закружить в танце, увлечь, вновь кто-то лез с поцелуями, подносил бокалы с шампанским.

– Колесница!

– Нерония!

– Колесница!

– Цин!

Выкрики неслись отовсюду.

Наконец Корвин выбрался в сад. Освещенные ярким светом искусственной луны, лужайки и деревья казались отлитыми из серебра.

Помчался. Свернул на нужную дорожку, спугнув притаившуюся в черной тени подстриженных туй любовную парочку. Навстречу выскочила какая-то футуристическая тварь, попыталась обнять. Увернулся.

Наконец заметил фигуры возле фонтана. Две. Одна – Лери. Ее платье, смазливая маска и напудренный парик. А рядом – мужчина ей подстать: в голубом кафтане и шелковых панталонах. Парик, шляпа с перьями. И маска... все то же белое курносое лицо, почти копия маски патрицианки. Кто это? Кто заказал костюм в пару к наряду Лери? Мужчина что-то говорил. Его напудренный парик касался белых локонов Лери. Это не Друз – Марк понял сразу – мужчина был выше центуриона на полголовы. К тому же Друз, судя по всему, выбрал другую экипировку.

Впрочем, Корвин пока не торопился вмешиваться. Лери просила его прибыть к фонтану и подстраховать... Значит, она чего-то опасалась.

Мужчина говорил все громче и громче. Судя по тону – требовал. Никакого любовного воркования.

Марк отчетливо расслышал фразу:

– Вы это можете сделать! Я не останусь в долгу, клянусь! Быть может, я буду вашим единственным другом на Китеже!

Лери в ответ отрицательно покачала головой.

И тут Марк увидел, как к парочке у фонтана мчится римский центурион. На его чешуйчатой лорике играл лунный свет. Впрочем, наградные фалеры с костюма исчезли. Как с головы

исчез шлем с поперечным гребнем. Черные кудри – свои, не бутафорские – развевались над оливкового цвета маской с хищным носом и массивным подбородком. Центурион размахивал не бутафорским мечом, а самым настоящим бластером.

– Друз! – только и успела крикнуть Лери.

Мужчина в голубом кафтане шагнул вперед, заслоняя собой девушку.

– Друз! – завопил Корвин, выскакивая из своего укрытия.

Центурион оглянулся. В следующий миг мужчина в парике метнулся к незадачливому жениху, схватил Друза за руку и вывернул кисть. Бластер упал на траву. “Кавалер” успел оттолкнуть оружие ногой, прежде чем Друз вывернулся. Попытался сделать подсечку. Не тут-то было – оба драчуна покатались по песку. Марк мчался к ним, но до фонтана было слишком далеко. Лери не пожелала вмешаться, позволив мужчинам тузить друг друга. Похоже, происходящее ее забавляло. Еще бы! Два самца дерутся из-за нее, будет, что вспомнить всем особам женского пола в роду Ливиев Друзов! Один из соперников зарычал от боли. Кажется, Друз. Ну да, это он! Человек в голубом кафтане вскочил и бросился бежать, оставив на месте схватки жабо и парик. Зато успел подобрать бластер.

Марк кинулся беглецу наперерез, вытащив спрятанный под одеждой парализатор. Выстрелил. Голубой разряд прошел рядом с беглецом. Но произвел впечатление. Тот остановился, развернулся на каблуках. Зрачок бластера уперся Марку в грудь. Маска скрывала почти все лицо. Однако солидный клок личины Друз успел отодрать. Теперь можно было разглядеть плотно сжатые губы и мягкий, слишком мягкий подбородок. Светлые, примятые париком пряди упали на лоб. Стас не зачесывал волосы назад...

– Не глупите, князь Сергей. Опустите оружие. Поверьте, я вам не враг...

– Уберите парализатор... – голос человека в маске был ледяным.

– Дайте слово, что сами не будете стрелять.

“Надеюсь, хоть этот не является членом общества Дантеса”, – шепнул голос.

– Даю слово.

Корвин медленно спрятал парализатор в кобуру.

– Ваш приятель вел себя глупо. – Сергей опустил оружие, поставил бластер на предохранитель.

– Мне нужно с вами поговорить, Сергей.

– Тогда до встречи! – Князь нырнул в ближайшую беседку.

Марк кинулся следом. Но когда добежал до оплетенной плющом ажурной парковой беседки, внутри никого не было. Гладкий пластиковый пол отражал вспышки фейерверков над парком: в плюще оставалось достаточно просветов, чтобы из беседки можно было обозревать окрестности. Где-то здесь был тайный ход, ведущий в дом. Отлично! Еще один розыгрыш!

Преследовать князя Сергея Корвин не собирался. Жаль, что этот тип утащил бластер. Ну да ладно, впредь Друзу наука – не брать на карнавал оружие и не кидаться с ним на всех подряд.

Марк поспешил назад к друзьям.

Лери с Друзом все еще были у фонтана. Ссорились. Друз сорвал маску. На шее у него алела ссадина.

– Прекрати, Друз! Сколько повторять: не было здесь Стаса! – долетел до Марка голос Лери. – И прошу тебя, перестань меня подозревать. В конце концов, твои выходки невыносимы.

– Зачем ты пошла с этим уродом в парк?

– Секретный разговор. Важный для Лация. Корвин меня страховал... Ты же видел: Марк был рядом и в случае чего готов был вмешаться.

– Почему не я?

– Ты бы все испортил... Впрочем, ты и так все испортил... Да я сама могу себя защитить, клянусь ношей патрициев! Почему ты мне не доверяешь? А? Почему? Или ты сам себе не доверяешь? Я же дала тебе слово! – голос Лери звенел от возмущения.

– Нет, я доверяю, но, Лери...

– Ну что? Что? Что ты скажешь в свое оправдание?

– Китеж – опасная зона, – заявил центурион, – опасная, как дикая планета в период освоения. – В его голосе послышались покаянные нотки.

– Мы слишком мало знаем о здешнем мире. Они выбрали для себя иное прошлое, только и всего. Никто не знает даже, сколько среди них этнических русских. Да ведь и мы по крови не римляне. И даже не итальянцы в большинстве.

“Да, не римляне, – мысленно согласился Корвин. – Но почему-то патриции Лация внешне как две капли воды похоже на портреты римских нобилей”.

Корвин подошел и положил Друзу руку на плечо.

– Слушай, что произошло там, на карнавале? Почему толпа на тебя накинулась?

– Ты у них спроси, – Друз пожал плечами. – Какой-то парень подскочил ко мне и стал рвать с груди фалеры. Я оттолкнул его. Он кинулся снова. И с ним еще двое. Один – вроде как гвардеец. Ну... “Старая гвардия”, медвежья шапка, синий мундир. Они будто с ума сошли. И все время кричали: “Лаций обречен!” Мне ничего не оставалось, как пустить в ход кулаки. Не палить же из бластера в толпе.

“Лаций обречен, – повторил про себя Корвин. – Что они имели в виду?”

– Я спросила князя Андрея, почему все твердят одну и ту же фразу про Лаций... – Лери замолчала, будто споткнулась. – Ответ звучал по меньшей мере странно. Если дословно... Почти. Князь Андрей сказал: “Костюм Лация теперь не популярен. Ты правильно сделала, моя милая, что выбрала этот наряд. Мы будем веселиться до утра”.

– Что за чушь? На карнавал нельзя наряжаться лациейцем? Почему? – изумился Друз. – Из-за моей лорики и фалер эти уроды кинулись в драку?

– Угрожай нам, в самом деле, опасность, князь Андрей нас бы предупредил. А так... Похоже, это какая-то непонятная нам карнавальная шутка.

– Бестактная шутка, – заметила Лери.

– Может быть, заказать новый костюм? – предложил Корвин. – Наряд центуриона этим вечером не популярен.

– Ни за что! – гордо расправил плечи Друз. – Пусть меня разорвут на части, но свою лорику я не сниму.

– Снимешь, но не здесь! – засмеялась Лери, подхватила жениха под руку и повела к одной из временных беседок, установленных в парке. Обернулась. – Не волнуйся, братец, я его не оставлю без присмотра.

Марк махнул им рукой, давая понять, что полностью доверяет благоразумию сестры, и зашагал назад к дому.

Князь Андрей все так же стоял на возвышении, держа в руках синюю розу.

– Вы можете объяснить, что происходит? – спросил Корвин.

– Разве не видите? Карнавал! – рассмеялся князь Андрей. – “Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний!” Карнавал, мой драгоценный Калиостро. Карнавал!

– Я – Корвин. Неужели вы не узнали голос? – Марк поднес руку к лицу.

– Нет, нет, не снимайте маску, это не принято, вы оскорбите этим жестом карнавал, – запротестовал Андрей Константинович. – Выбор еще не сделан... Хотя, увы, Лаций обречен...

– Что это значит? Нас убьют в конце праздника? Принесут в жертву?

– Ну что вы! Как можно... У вас отличный костюм. Вы молоды. Веселитесь!

– Вы заранее знали, что костюмы Лация вызовут неприязнь. Или даже агрессию... – Корвин говорил ровным голосом, его маска, реагируя на интонации голоса, оставалась бесстрастной. – Но не предупредили нас об опасности.

– Мой юный друг... заверяю вас, даже минимальная опасность вам не угрожала. И не грозит. А потасовки на карнавалах каждый раз случаются.

Корвин усмехнулся. Никакой опасности – кто спорит. Несколько царапин и оторванных фалер. Просто князю хотелось проверить, как встретят римские костюмы на карнавале. Встретили плохо...

Лаций обречен...

* * *

...истребитель Марка падал. Прямо по курсу сверкал в лучах звезды Фидес линкор, его обитель, корабль-матка, чьи палубы ждут возвращения крошечных юрких кораблей. Но кто-то не возвращается. Каждый раз кто-то не возвращается. Это закон. Почти... Теперь нос истребителя (если выступающую часть этой плоской посуды можно именовать носом) был нацелен в борт собственного корабля-носителя.

Изменить курс! Немедленно изменить курс. Орк!

Искин истребителя не отзывался на запросы. Напрасно Марк давил на все кнопки, дергал за рычаги. Их заклинило. Кораблик умер. Воцарилась абсолютная тишина – связь отключилась. Истребитель силой инерции несло к борту звездолета. А у этого огромного, как туша астероида, линкора, вышли из строя генераторы защитного поля. Через несколько минут потерявший управление истребитель врежется в белый сверкающий борт. Если прежде орудия “Титана” не разнесут малютку на кварки. И вдруг один из рычагов уступил нажиму. Сдвинулся едва-едва, но все же сдвинулся. Правый двигатель выплюнул в черное пространство комок белого огня. Истребитель дернулся и развернулся.

Одновременно ожила аварийная связь, до той поры упорно не желавшая включаться. Наверное, подобную консервную банку можно дать лишь пилоту-дублеру. Корвин рванул из гнезда черный, похожий на жука прибор, стиснул в ладони. Рубка истребителя взорвалась десятками голосов.

– Куда тебя несет, Марк! Совсем спятил! Мы бы тебя сейчас распылили!

– У нас нет защиты! Перегрузки!

– Выруливай к приемному шлюзу. И без фокусов. Точно говорят, что ты безумный.

Марк почувствовал, как струйка холодного пота стекает вдоль позвоночника. Он не стал ничего говорить о повреждениях и отказе приборов. Вцепился в рычаг управления правым двигателем и сумел его сдвинуть еще чуть-чуть. Истребитель вздрогнул. Главное, он хотя бы не врежется в линкор... А там... может быть, за ним вышлют спасательный бот. Может быть... А что если, работая одним правым двигателем, дотянуть до шлюзовой камеры?

“Полное безумие”, – уточнил он для себя поставленную задачу.

И рассмеялся.

Слева, сквозь прозрачный “нос” истребителя, он видел точно такую же машину. Она стремительно приближалась.

– Марк, ну тебя и покорежило! – услышал он знакомый голос. – Вот так казус! Аварийка хоть пыркает?

– Аварийка работает, Флакк! – отозвался Марк весело.

– Тогда я заставлю свой искин просчитать для тебя градиент тяги двигателей для подхода к шлюзу. А потом наш “Титан” втащит тебя на палубу в аварийном режиме. Держись за мной.

– У меня фурычит лишь правый двигатель.

– Я буду работать только правым. Делай, как я, и повторяй! Да поторопись! Помни: ты не профессиональный пилот, коррекцию костей не делал, каждый час в этой консервной банке для тебя опасен...

* * *

Марк проснулся.

Человек в шелковой рубашке и белом шелковом жилете сидел в кресле, положив ногу на ногу. Маску гость держал в руках. Лицо с высоким лбом и детским подбородком было хорошо знакомо Марку по голограммам. Но время, эта хищная тварь, оставило на щеках и лбу гостя глубокие отметины.

– Наконец вы перестали делать вид, что вам отшибло память, – сказал Корвин. – Пусть так считают другие. Меня вам не провести, князь Сергей.

Кажется, гость не удивился. А если и удивился, то не подал виду. Лишь спросил:

– Откуда вы знаете?

Корвин поднялся, накинул халат. Маска Калиостро лежала на секретере вместе с тюрбаном. Издалека долетали смех и крики. Окна озаряли вспышки фейерверка. Карнавал еще длился. Как Сергей попал в комнату? Открыл потихоньку? Но как же сигнализация Друза? Не сработала? Или Марк так крепко спал, что не слышал? Тем более что за окном постоянно взрывались петарды.

– Ваша тайна проста. Вы – профессиональный пилот. Всем пилотам проводят коррекцию организма и – прежде всего – костной ткани. Выстрел из парализатора, способный отправить обычного человека на тот свет, лишил вас сознания на несколько часов.

– Несколько суток, – уточнил Сергей. – О коррекции мало кто знает. Подобные операции военные хранят в тайне.

– Но не от следователя по особо важным делам. – Корвин не стал уточнять, что подсказка только что пришла из сна. В конце концов, никого не должно волновать, как Марк добывает информацию. – Почему вы притворяетесь?

– Думаете, я прячусь здесь от спецслужб Неронии, изображая пятилетнего малыша, и боюсь сунуться в космос? Так?

– Вы изрядно насолили нерам этой историей с анималами.

– Да чихать мне на Неронию и всех ее анималов вместе взятых! Если бы я мог вернуться... – прошептал Сергей.

В космос его, выходит, не пускают. И он вынужден сидеть на планете. А на душе – муторно. Как это говорят на Китеже? Ах да, кошки скребут.

Раз нельзя в космос, Сергей теперь внушает всем, что превратился в дебила, играет в детской и обо всем позабыл.

– Вас не охраняют? Что делает контрразведка Китежа?

– Мне пять лет. Лежу в колыбели. Кому я нужен?

– То есть спецслужбы Китежа от вас отказались.

– Или я от них.

– Вы недооцениваете неронейцев, поверьте мне. Самые лучшие убийцы – оттуда, с Неронии. Именуются “браво”.

– Значит, смерть будет мгновенной. Это не так уж плохо.

– О чем вы говорили с мадмуазель Лери в парке?

– Об Эмми...

– Рассказывали о княгине Эмилии? Пытались понравиться моей сестре, вспоминая погибшую супругу?

– Все не так. Речь шла о другом. Мне нужен клон Эмми. Вы же знаете, и я знаю: любой пилот, отправляясь в космос... Каждый солдат всегда оставляет свой генетический материал в банке генов. Таков закон вашего мира. Как и нашего, к слову сказать.

– Генетический материал существует. Не спорю. Но, Сергей, только представьте: новая Эмми, внешнее сходство, а под биомаской совсем другое существо. Дру-го-е!

– Мне все равно... то есть не все равно... но это не важно.

– Эмми вырастет через несколько лет. Если, конечно, вы хотите получить полноценного человека, а не младенца в теле взрослой женщины. И потом... вполне вероятно, что клон Эмми не полюбит вас...

– Пускай... Главное, чтобы она жила. И я ее увижу. Через двадцать лет снова увижу... Такой, какой она была прежде. Ее смех... ее взгляд... все будет таким же. Я только погляжу издали. Вполне достаточно.

– Это нелогично... – Марк не мог взять в толк, зачем Сергеем копия Эмми.

Куда проще заказать андроида с внешностью погибшей, если Сергей может видеть в своей постели только ее. Но растить клон... Тут рациональный ум Марка отказывался что-то понимать.

– Китежан вообще никто не понимает, – усмехнулся Сергей, как будто прочитал мысли лацийца. – Мы непредсказуемы.

– Как Стас? – не удержался и съязвил Корвин.

– Теперь мы похожи.

Корвин вспомнил свою версию о личине Стаса, под которой прячется сам Сергей, и мысленно обругал себя идиотом.

– Почему никто до сих пор не свернул этому парню шею?

– Мы его бережем, – усмехнулся Сергей.

– Он всегда был таким?

– Сколько помню – да. С тех пор как его привезли из озерного города. Первое время он непрерывно болтал ерунду, его пугал всякий громкий звук. Он не терпел одиночества. Потом ему провели коррекцию психики, и он стал вроде как нормальный... но только вроде как... Отец надеется, что все еще можно исправить.

“Бедный Стас, его жаль, но жалеть таких людей лучше издалека”, – решил Корвин.

– Не в моей власти создать новую Эмми, – в этот раз тон патриция был не таким уверенным. – Решение о вынашивании клона у нас принимает специальная комиссия.

– Достаньте ее генетический материал. Все остальное сделаю я.

– В этом есть какое-то извращение.

– Я ее создам. Достаньте мне ее. Умоляю.

В словах Сергея звучала скрытая ярость.

“Что-то тот выстрел в нем повредил. И дело не в спецслужбах Неронии, от которых, якобы, Сергей здесь прячется... Что-то в нем сломалось. Навсегда. Окончательно. Препятствие Сергей был совсем не таков”.

– Теперь вы просите, умоляете, а два часа назад целились мне в лоб из бластера.

– Я готов действовать решительно.

– Вам не хватало решительности? Seriously?

– Не хватило... один раз... – прошептал бывший капитан “Изборска”.

– Думаете, вы могли спасти Эмми?

– Да. Если бы не медлил. Одним выстрелом срезал бы этой твари манипуляторы. Но я подумал... Мне показалось, что он лишь берет ее в заложники, и я не стал рисковать.

– Анимал с вами заговорил? – подсказал Корвин. Вернее, его голос предков.

Знакомая ситуация. Слова... Обман. Если с тобой говорят, значит – есть о чем.

– Да. Он сказал: “Не двигаться, или она умрет”. На мне был боевой скафандр. И в кобуре бластер. Я замер. Кретин... А в следующий миг он... – Сергей оскалился: он вновь видел, что произошло тогда на Психее. – Анимал разорвал ее. Я выстрелил. Не промахнулся... – У Сергея прыгали губы. – Но она уже умерла.

– Похоже, князь, нас все время покупают на одну и ту же обманку: мы встречаем разумную тварь и тут же приписываем ей и жалость, и милосердие. К сожалению, это не так...

– Я буду убивать анималов повсюду, – пообещал Сергей. – Прежде всего, уничтожу этого маленького мерзавца, которого спас, вырастил, превратил в человека. Он жил в моем доме, он был мне как сын!..

– Он не просил вас об этом.

– Он был моим пленником!

– Вашим рабом?

– Я должен его простить? – спросил князь с издевкой.

– Не знаю. Вам решать.

Корвину казалось, что он смотрит на мир с двух разных точек одновременно. Один взгляд принадлежит бывшему рабу, который всей душой сочувствует униженным, но способным восстать и выплеснуть свой гнев кипящим маслом на головы “баронов”. Второй взгляд – это взгляд патриция. А патриций все восстания, мятежи и убийства ненавидит и стремится пресечь в зародыше. Марк не знал, что делать с этой двойственностью.

За окном расцвел букет огненных стрел. Вся комната осветилась.

– Никола хотел, чтобы вы его отпустили? Он говорил об этом? – Корвин почти физически ощутил на шее рабский ошейник. Ему стоило большого труда удержать голову высоко поднятой.

– Это было невозможно.

– Так говорят все хозяева своим рабам. Невозможно – их любимое слово.

– Я могу вас убить, – процедил Сергей сквозь зубы.

– За что? За слова? За попытку понять, что произошло?

С минуту Сергей молча смотрел на Корвина исподлобья.

“Ты чертовски рискуешь, – шепнул голос. – Этот человек неадекватен. И у него бластер Друза”.

Наконец князь скривил губы, что должно было означать улыбку:

– А ты смелый парень...

– Кстати, отдайте мне ваш бластер. Потому что на самом деле он не ваш, а принадлежит моему другу. Вы им незаконно завладели.

После недолгих колебаний Сергей вынул бластер из кобуры и протянул Марку.

– Кстати, а почему вы не сдали лучемет на хранение отцу? Такое оружие на карнавале запрещено. Как и парализатор, кстати. Не думал, что лацийцы так легко нарушают закон.

– Даю слово, мы не будем ни в кого стрелять! – Корвин проверил предохранитель и спрятал оружие в верхний ящик комода.

– Так как насчет Эмми? – спросил Сергей.

“Ему конечно не пять лет, но лет двенадцать по психологии и развитию – это точно. И при этом он ничего не забыл... Не забыл, но впал в детство. Нет, не так. В эту минуту Сергей – взрослый, а в следующую – ребенок. И он несчастен. Перед посторонними разыгрывает, что все забыл, в то время как его снедает одиночество. Эмми – скорее знак, чем любовь. Ему, в самом деле, достаточно будет ее увидеть – и только. Символ искупления. Мы все мечтаем о воскрешении. Того, что нам дорого. Потому и взялись за реконструкцию”.

Сергей поднялся, взял с комода маску Калиостро.

– Почему этот жулик? – Сергей повернул надетую на кулак маску. Оживленная теплом его кожи, маска раздвинула губы в улыбке. – Следовательно, служитель порядка, выбирает личину

авантюриста. Вот прелесть карнавала – быть не тем, кто ты есть. Ускользнуть от самого себя. Обрести свободу... Маска, которую никто не имеет права снять. Обожаю карнавалы. В эти дни я могу бывать где угодно. И могу вообразить, что под одной из масок я встречу Эмми.

– Хорошо, я помогу вам ее вернуть, – сказал Корвин. – Но и вы обещайте мне помочь.

– Что вам нужно? – Сергей с раздражением отшвырнул маску. – Неужели человек, проведший два года под домашним арестом, может вам чем-то быть полезен?

– Ваша память не повредилась, и вы должны помнить, как двадцать лет назад сюда в усадьбу прибыл человек, носивший странное для Китежа имя Сергей Малугинский. Это одно из редких лацийских имен.

Сергей молчал.

– Так вы помните, как этот человек приехал?

– Да, он гостил у нас, потом переехал в поселок “Лесное”. – Сергей отвечал как бы через силу, нехотя.

– Мне сказали, что он ушел к озерникам. Но это не так, я уверен, он не у озерников.

Где он?

– Я не могу сказать! – отрезал Сергей.

– Почему?

– Слишком опасно.

– Опасно? – переспросил Марк. Он был уверен, что Сергей не лжет. – Так же опасно как нарядиться римским центурионом на сегодняшний карнавал?

– А, ваш дикий приятель! – Сергей рассмеялся. – Надо полагать, ему здорово намяли бока. Ничего страшного. Это первый карнавал после того, как произошла смена масок. Только не вздумайте явиться в римских костюмах на действо в Вышеграде. Одними синяками не отделаетесь.

“Невероятно! Ты понял, что происходит? Они...” – торопливо зашептал голос.

“Заткнись!” – едва не выкрикнул Корвин. Карнавальная система Китежа его мало интересовала.

– Мне нужно знать, где скрывается Сергей Малугинский, – повторил он свое требование.

– Не могу. Извините, Марк, это не моя тайна.

– Этот человек – отец молодого Друза. Я приехал, чтобы его найти.

– Никому не говорите об этом.

– Что? – не понял Корвин.

– Никому не говорите, что Друз – сын Сергия Малугинского. Ради всего святого, молчите!

И молодой князь выбежал из спальни.

Почему не говорить? В чем опасность? Марк ничего не понял.

За окном стихал карнавал. Можно было, наконец, уснуть.

Глава IV Катастрофа

Утром, выходя из комнаты, Марк вложил в кобуру, где прежде носил парализатор, бластер Друза. Кобура была маловата, и отполированная ладонью владельца рукоять высывалась наружу. М-да... демонстративно разгуливать с бластером по усадьбе было как-то неловко. Тут Марк заметил небрежно брошенный на стул темный балахон Калиостро и парчовый тюрбан. Почему бы и нет? Утро после карнавала – почти продолжение карнавала. Марк облачился во вчерашний наряд, надел даже перстни, опоясался мечом, только маску оставил на комод.

Нигде не было видно ни души, ни хозяев, ни слуг, казалось, усадьба вымерла. Полы в комнатах покрывал слой конфетти и жевательного серпантина. Даже на столе террасы лежала груда конфетти: кто-то небрежно сгреб ее ладонями, да так и оставил. В парке потрескивало и вспыхивало время от времени – многоцветные петарды выплевывали последние заряды огненного веселья.

На террасе в одиночестве сидела Лери и пила кофе. Скромный наряд – пестрая блуза и светлые брюки – выглядел по-домашнему простым.

– Скажи-ка, дорогая моя сестренка, что за дурацкая идея пришла вчера тебе в голову? Захотелось приключений? С князем Сергеем? – спросил Корвин вместе приветствия.

Друз, Лери и он сам, Корвин, – все вели себя на редкость нелепо. Флакк умчался, ничего не объяснив. Коллективное безумие. Говорят, чужая реконструкция может свести с ума.

– Неужели во время карнавала нельзя прогуляться по саду с кавалером? – тут же возмутилась Лери. – Разве не для этого существуют карнавалы?

– Этот – совсем для другого. Не путай с Неронией и ее реконструкцией Ренессанса. И потом, ты обидела Друза.

– Ему нравится ревновать меня. Его ревность – только маска, поверь.

– Не верю. Я бы тоже пришел в ярость, если б увидел, что моя невеста шепчется у фонтана с молодым обормотом.

– Марк, я пыталась вытянуть из Сергея информацию. Так что это был не флирт, а деловая встреча. Позволь себе наш князь лишнее, ты бы намял ему бока. В конце концов, мы явились сюда искать пропавшего человека. Отца Друза, если ты еще не забыл.

– В следующий раз сделай милость, информируй о своих деловых встречах жениха!

Лери, как все женщины, плохо переносила критику, но этот упрек Корвина ей пришлось вытерпеть. Она лишь сделала слабую попытку оправдаться:

– Я же не в спальню к нему пошла...

– Надеюсь, ты не дарила князю Сергею браслет?

– Нет. А что?

– На Китеже популярна пьеса, в которой юная красавица теряет на маскараде браслет, а ревнивый муж подсыпает яд в мороженое глупой жене.

– Друз меня угощал мороженым... Полчаса назад... – личико Лери испуганно вытянулось.

– Нет, тут простое совпадение, вряд ли Друз даже слышал название пьесы... – с напускным равнодушием проговорил Корвин.

– Он принес вазочку с разноцветными шариками. Клубника, карамель... И подарил браслет. – Лери вытащила из кармана массивный золотой обруч, усыпанный изумрудами. – Так себе браслетик. Но я восхитилась подарком совершенно искренне.

“Получается, что центурион все-таки читал “Маскарад”, – усмехнулся внутренний голос. – Ты не удивлен?”

“Прочел содержание в галанете, готовясь к экзамену по иностранной литературе”, – ответил подсказчику Марк. Но ответ его и самого не убедил, а внутренний голос беззвучно расхохотался.

Ладно, оставим Друза в покое. Другой вопрос: зачем Лери отправилась в парк? Действительно хотела что-то выведать? Или ею двигала жалость к Сергею? Любопытство? Кокетство? Или... Быть может, князь Сергей ей понравился куда больше, чем могло показаться со стороны?

“Здесь что-то затевается, – шептал ему голос предков. – Что-то очень опасное... будь настороже”.

“Никому не говори, что Друз – родственник Сергия Малугинского...”

Вот в чем дело. Вот зацепка.

– А... – простонала Лери и, схватившись за живот, согнулась пополам.

– Ты чего... – Марк растерялся.

Застыл на миг. Потом кинулся к сестре.

Лери издала еще один короткий стон, покачнувшись и соскользнула со стула на пол.

“Мороженое”, – шепнул проклятый голос.

– Нет, невозможно!

Корвин приподнял Лери. Встряхнул. Голова ее безжизненно мотнулась из стороны в сторону. Он попытался нащупать пульс на шее и не сумел.

Лери на миг очнулась.

– Бо-ольно... – простонала девушка и судорожно вцепилась брату в плечо.

– Сейчас, сестренка, сейчас... Эй, кто-нибудь! Врача!

У Марка похолодело внутри. Он схватился за комбраслет. Пальцы изо всей силы сдавили контактный узор. Марку казалось, что браслет не работает.

“Нет! Нет!” – вопил, захлебываясь от ужаса, голос.

– Немедленно! На террасу врача...

И замолк. Лери вся тряслась. Марк только теперь сообразил, что трясется она от смеха. Сестренка уже сидела на полу, поджав ноги по-турецки, хохотала, силилась что-то сказать, но смех душил ее. Она лишь махала руками...

– Врача не надо, – буркнул Корвин в комбраслет. – Ложная тревога.

– А ты поверил! Ты ведь поверил! – выдавила Лери сквозь смех. – Вообразил, что Друз отравил меня.

“А ты, братец глупец”, – добавил голос.

“А ты сам?” – огрызнулся Марк.

Голос был уже совершенно спокоен. Чего нельзя было сказать о самом Корвине.

– Где сейчас Друз? – спросил юноша строго.

– Отправился в парк искать свой бластер.

– Оружие у меня, – не вдаваясь в подробности, сообщил Корвин. Ему хотелось сказать Лери какую-нибудь гадость, но он сдержался.

– Знаешь что... Не отдавай ему лучемер, – предложила она. – А то я все время боюсь, что Друз кого-нибудь пристрелит или что-нибудь сожжет.

С предложением было трудно не согласиться. Марк и сам чувствовал – центурион может в любую минуту сорваться. Недавняя отставка, чужая реконструкция, безуспешные поиски отца, близость Лери и одновременно – неопределенность положения, – кажется, вполне достаточно для того, чтобы перегрузить даже лаццискую психику.

“Никому не говори, что Друз – родственник Сергия Малугинского”, – вновь всплыло в памяти предостережение.

“Надо срочно увезти Друза с Китежа, – шепнул голос предков. – Его и Лери. Пока они не угодили в какую-нибудь дрянную историю”.

“Ладно, Корвин, не паникуй”, – успокоил юноша сам себя.

Ничего страшного, сейчас прибудет охрана из посольства. Может быть, уже прибыла. Нет, вряд ли. Охранники знали код комбраслета Марка, и обязаны были доложить о прибытии. Значит, они еще в пути. Странно. Корвин попробовал вызвать Друза по комбраслету, тот ответил: “Не сейчас”, и отключился.

– Пойду в парк. Поищу нашего героя. А ты... Как только появится Друз, тут же свяжись со мной.

– Мне поручено его караулить?

– Именно, – отрезал Корвин. – Это приказ. И его надо выполнять. Если хочешь и дальше работать со мной. – Марк не ожидал, что может говорить таким ледяным, таким начальственным голосом.

– Хорошо, – с напускной покорностью согласилась Лери. – Друз под моей опекой.

– Надеюсь, сегодня наш друг не надевал лорику центуриона?

– Нет, а что?

– На карнавале произошла смена масок. Политика изменилась. Теперь все, что связано с Лацием и его реконструкцией, на Китеже не в чести. Грядет союз Китежа с Неронией.

– Шутишь?

– Нет. Лаций и Китеж были союзниками много лет. Но Лаций слишком мало уделял внимания Китежу, Китеж обиделся и решил, что союз с Неронией куда более заманчив. Впрочем, возможно, я ошибаюсь, и в ближайшее время китежане пламенно полюбят Империю Цин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.